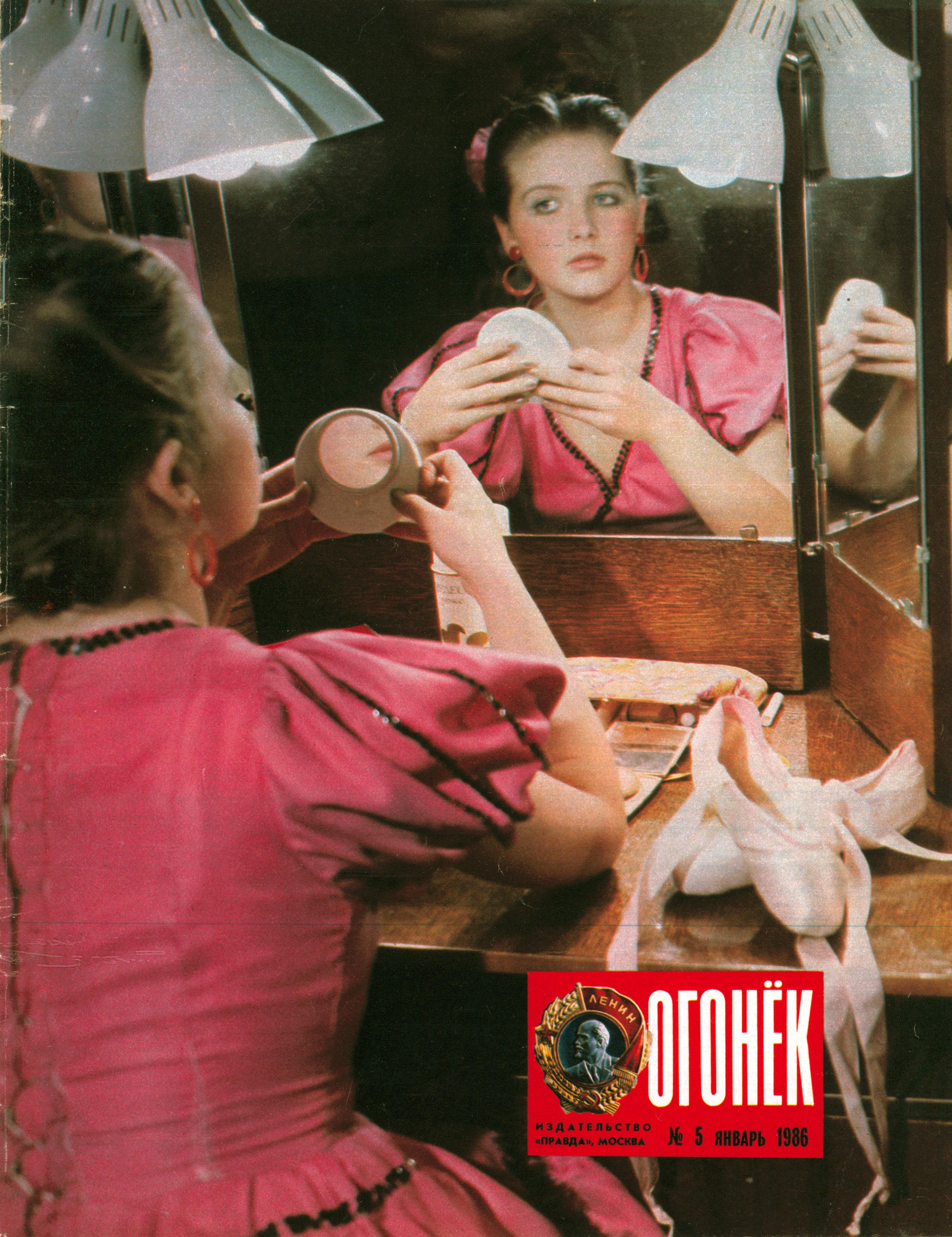

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 5 ЯНВАРЬ 1986

Во время митинга в поддержку Заявления Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на московском производственном швейном объединении «Смена».

ЗА МИР БЕЗ ВОЙН, БЕ

КИЕВ

В. ХВОРОСТЕЦКИЙ,
кандидат технических наук

НАДЕЖДА И УВЕРЕННОСТЬ

С большим интересом москвичи ознакомились с проникнутым глубоким оптимизмом и убежденностью в реальности коренного улучшения международной обстановки Заявлением Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева.

Фото И. Уткина (ТАСС)

Фото В. Кошевого (ТАСС)

З ОРУЖИЯ !

События последних месяцев, происходящие в нашей стране, радуют советских людей. Живее пошли дела, взят курс на резкое ускорение социального и экономического развития, начата и уже ведется грандиозная работа по широкому внедрению новейших достижений науки в производство. Такое же ускорение стало заметным и в действиях нашего государства на международной арене.

Советский Союз всегда выступал поборником мира и дружбы между народами, не раз предлагал другим государствам плодотворное сотрудничество, основанное на взаимной выгоде. Но никогда еще, пожалуй, наше мирное наступление не было столь мощным, активным, убедительным. Пресс-конференция М. С. Горбачева в Женеве, сразу после встречи с президентом Р. Рейганом, взломала многие барьеры недоверия к нашей стране, которые воздвигаются западной пропагандой. Перед лицом всего человечества советский руководитель изложил наши принципы и убеждения, нашу трезвую оценку опасной ситуации, сложившейся в мире.

Дух Женевы заронил в сердца людей надежду на поворот к лучшему. Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева вселяет уверенность в успехе мирных усилий нашего государства. Это конкретный план избавления человечества от угрозы самоуничтожения. К реализации этого плана могут и должны приложить усилия все страны и народы.

Советские люди всей душой поддерживают Заявление М. С. Горбачева и надеются на такой же конкретный деловой ответ руководителей других стран, и прежде всего администрации США.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 5 (3054)

25 ЯНВАРЯ — 1 ФЕВРАЛЯ

В НОМЕРЕ:

РАДИ ВСЕХ ЗЕМЛЯН

Владимир НИКОЛАЕВ

После советско-американской встречи в Женеве было опубликовано совместное заявление, в нем, в частности, говорилось о том, что обе стороны, признавая различие в общественно-политических системах СССР и США и в их подходах к международным проблемам, согласились о необходимости улучшения советско-американских отношений и оздоровления международной обстановки в целом. В этой связи была подчеркнута важность постоянного диалога, отражающего серьезное стремление обеих сторон искать точки соприкосновения по существующим проблемам.

Обращаясь на днях к участникам Конгресса деятелей науки и культуры в защиту мирного будущего планеты, М. С. Горбачев заявил:

«Советско-американская встреча в Женеве породила надежды на улучшение международной обстановки, укрепление всеобщей безопасности. Но для того, чтобы эти надежды оправдались на деле, надо, чтобы обе стороны честно выполнили достигнутые договоренности. Женевский процесс должен получить развитие и определить дальнейший ход событий в мире — этого требуют народы и это действительно необходимо».

Известно, что Советский Союз, еще готовясь к встрече в Женеве, за несколько месяцев до нее, в одностороннем порядке прекратил все ядерные взрывы, предложил возобновить переговоры о полном прекращении ядерных испытаний, подтвердил односторонний мораторий на испытания антиспутникового оружия, внес радикальные предложения о сокращении ядерных арсеналов. В полном соответствии с женевскими договоренностями, продолжая и развивая свою последовательную политику мира и разрядки, наша страна выдвинула комплекс новых крупных внешнеполитических инициатив. Они изложены в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Газета «Правда» называла его этапным документом в борьбе ленинской партии и Советского государства за прочный и всеобщий мир. В нем содержится программа полной и повсеместной ликвидации ядерного оружия к 2000 году, программа освобождения человечества от угрозы самоуничтожения и обеспечения надежной безопасности нынешним и грядущим поколениям землян.

Во время советско-американской встречи на высшем уровне было решено ускорить женевские переговоры по ядерным и космическим вооружениям. Эта договоренность имеет огромное значение, она не должна остаться только лишь декларацией. Недавно эти переговоры были возобновлены. Заявление М. С. Горбачева являет собой наглядный пример конкретного вклада в решение проблем, обсуждаемых в Женеве. Таким вкладом является и провозглашенное в Заявлении продление на три месяца нашего одностороннего моратория на любые ядерные взрывы, срок которого истек 31 декабря 1985 года. Видный швейцарский политический деятель, бывший мэр Женевы Роже Даффлон заявил: «На меня произвело особое впечатление умение советских руководителей видеть перспективы разоружения и сочетать их с практическими конкретными предложениями. Продление советского моратория на любые ядерные взрывы еще на три месяца — это новое свидетельство последовательной политики СССР, желание решить кардинальные вопросы прекращения гонки вооружений на Земле и недопущения ее в космосе. Именно эти вопросы, как ожидает мировое общественное мнение, должны стоять в центре нового раунда на советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям, которые проходят здесь, в Женеве».

Заявление М. С. Горбачева вызвало поистине всемирный отклик. Тысячи митингов и собраний в трудовых коллективах нашей страны горячо одобрили новые советские мирные инициативы. Заявление на всех континентах поддерживают простые люди, государственные и политические деятели, международные и национальные организации... А как реагируют на него в Вашингтоне? Вот любопытная оценка его реакции, она сделана, можно сказать, со стороны. Английская «Таймс» сообщает, что в осторожном и тщательно выверенном заявлении президент Рейган приветствовал советский план поэтапной ликвидации ядерного оружия и обещал подробно обсудить его с союзниками по НАТО. Такая реакция, продолжает «Таймс», скорее всего отражает стремление американской администрации создать представление у себя дома и за рубежом о позитивном характере ответа на инициативы СССР. В этом анализе обращает на себя внимание мнение о том, что американская администрация пытается «создать представление...».

Итак, на словах Белый дом приветствует советские предложения. В то же время там по-прежнему стоят на позициях, способствующих гонке вооружений на Земле и в космосе. Газета «Вашингтон пост» подчеркивает, что особое беспокойство у нынешней американской администрации вызвало повторение советского требования о запрещении милитаризации космоса. Не может не тревожить и тот факт, что в США не собираются прекращать испытания ядерного оружия.

В Вашингтоне стало традицией отрицательно реагировать на советские мирные предложения. Одобрить их в общем, на словах, и не сделать из них конкретных выводов тоже значит не принять их. А время не ждет! Над планетой нависла реальная угроза ядерной катастрофы. И чтобы устранить ее, нужны совместные усилия, конкретные дела.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ФРГ

ЛОГИКА РЕАЛЬНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ

Герд БАСТИАН,
депутат бундестага,
бывший генерал бундесвера

Советская программа освобождения Земли от ядерного оружия — это совершенно новое слово в мировой политике. Ведь ни одна из других ядерных держав до сих пор не была в состоянии выступить с такими далеко идущими инициативами, направленными на достижение перелома к лучшему в развитии международной обстановки и уменьшении опасности войны.

Если раньше Запад, как правило, с порога отклонял любые советские предложения в области ограничения и сокращения вооружений, то теперь он не может больше позволить себе этого. Логика разоружения, изложенная Москвой, проста и убеждает всех, а попытки отрицать ее были бы слишком очевидным саморазоблачением противников разрядки. Новые инициативы СССР прокладывают путь к обеспечению выживания человечества. Они открывают перспективу вступить в третье тысячелетие без ядерного оружия, на основе взаимоприемлемых и строго контролируемых договоренностей, уклонение от которых противоречило бы жизненным интересам всех народов. Поэтому не может быть никаких оправданий для несогласия с ними со стороны США или любой другой ядерной державы. Тем более что ради уменьшения военной опасности Советский Союз справедливо предлагает дополнить программу изъятия из арсеналов государств оружия массового поражения согласованными сокращениями обычных войск и вооружений.

Совершенно ясно также, что тот, кто поддерживает концепцию «звездных войн», фактически выступает против прекращения гонки вооружений на Земле. Вместо того чтобы тратить колоссальные средства на создание подобных систем в космосе под предлогом избавления от ядерных вооружений, гораздо разумнее выбрать прямой путь к их уничтожению. Это значит, что ядерное разоружение несовместимо с пресловутой «стратегической оборонной инициативой» США.

Значительный интерес здесь, в Европе, вызывают и новые советские предложения о полной ликвидации ракет средней дальности СССР и США в этой зоне. Осуществление этого способствовало бы существенному улучшению международной обстановки на европейском континенте и открыло бы возможность для освобождения от всех ядерных вооружений. С этой целью Англия и Франция, разумеется, должны отказаться от наращивания собственного соответствующего ядерного оружия. И, конечно, необходимо предотвратить ввоз на территорию ФРГ и других западноевропейских стран новых ракет средней дальности.

Решение Советского Союза о продлении моратория в отношении ядерных взрывов еще на три месяца является весьма смелым и воодушевляет общественность повсюду в мире выступать в пользу замораживания ядерных вооружений. Любые отговорки представителей вашингтонской администрации, считающей неприемлемым для США присоединение к этому мораторию, свидетельствуют об их стремлении во что бы то ни стало реализовать программы наращивания своего потенциала первого удара, в том числе с помощью СОИ.

Проблемы обуздания гонки ядерных и других вооружений, на радикальное решение которых нацелен выдвинутый Советским Союзом план, носят глобальный, общечеловеческий характер. Вся планета ждет конструктивного ответа Запада на эти предложения.

(АПН)

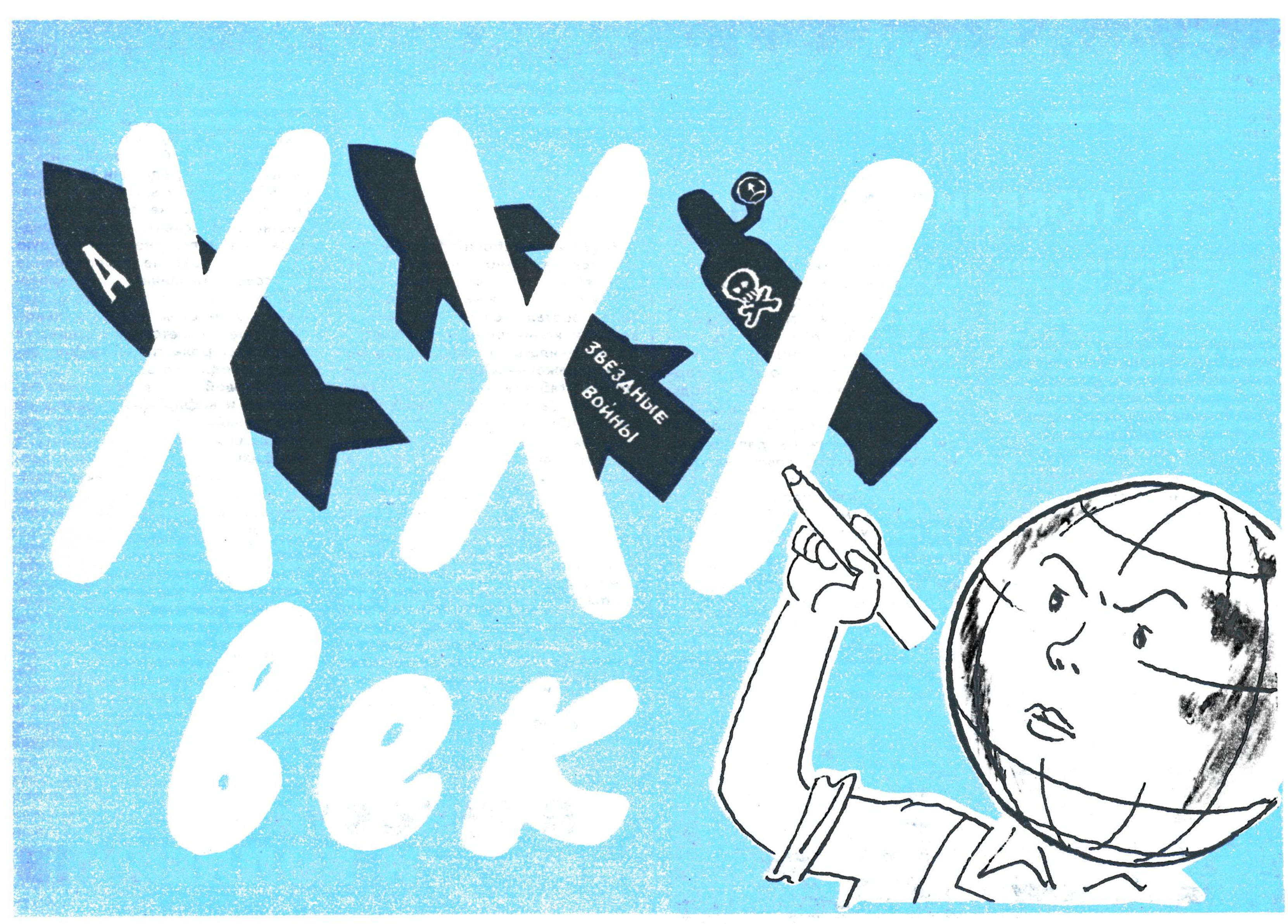

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ФИНЛЯНДИЯ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА БУДУЩЕЕ

Мирьям ВИРЕ-ТУОМИНЕН,
генеральный секретарь Международной демократической федерации женщин, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»

Неоспоримо историческое значение программы разоружения, содержащейся в Заявлении Михаила Горбачева. Эта программа представляет собой глубоко продуманный документ, предлагающий конкретный и реальный путь предотвращения смертельной угрозы, нависшей над человечеством.

Советский Союз — мощная держава, обладающая огромным промышленным и научным потенциалом. Но эта страна не стремится ни в коей мере к военному превосходству и призывает к тому же Соединенные Штаты Америки. Мечта о военном превосходстве—бесплодная и опасная политика, как сказано в заявлении, и с этим согласны все, кто понимает реальное положение вещей в современном мире. Действительно, пора отказаться от мышления каменного века, когда главной заботой было обзавестись дубинкой побольше или камнем поувесистей. Тем более что сегодня эта дубинка — ядерная.

Как важно было бы произвести в соответствии с советскими предложениями сокращение вдвое в течение пяти — восьми лет всех ядерных вооружений США и СССР, достигающих территорий друг друга. Это было бы началом необратимого процесса разоружения. Необратимого, потому что его результаты были бы столь разительны и ощутимы, что люди не дали бы его остановить.

Мы, жители европейского континента, мечтаем о том времени, когда Европа будет освобождена от ядерного и прочего оружия. Мы не хотим, чтобы наш континент, который не раз в прошлом был ареной кровопролитных битв, стал очагом новой мировой бойни. Советские предложения направлены на предотвращение такой страшной перспективы.

Войти в третье тысячелетие свободным от ядерного оружия, от страха, постоянно, как дамоклов меч, висящего над всеми нами,— разве это не вполне реальная мечта? Казалось бы, для ее осуществления надо не так уж много — просто уметь отдавать себе отчет в том, что происходит вокруг, и искать возможности конструктивных решений за столом переговоров.

Очень высоко оценил мир решение Советского Союза продлить еще на три месяца в одностороннем порядке мораторий на все ядерные взрывы. Соединенные Штаты еще раз получили возможность продумать свое отношение к этому вопросу и проявить понимание требований сегодняшнего дня.

Важно также, что новые советские предложения сделаны в первые дни года, объявленного ООН Международным годом мира. Это великолепный старт, мощный импульс для всех миролюбивых сил, стимул к активным действиям.

(АПН)

ЭКВАДОР

СЛОВО ЗА США

Хосе Томе АМАДОР,
директор газеты «Комерсио»

Предложения Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева по сокращению ядерных вооружений и их полной ликвидации к 2000 году заслуживают всяческого одобрения и поддержки. Особое значение имеет решение СССР продлить мораторий на ядерные испытания еще на три месяца. Это пример доброй воли. США могут еще раз подумать над необходимостью присоединиться к этой мирной инициативе. Как медик и журналист, я могу только приветствовать предложения СССР по ядерному разоружению. Знаменателен и тот факт, что советский лидер предлагает уничтожить не только ядерное оружие, но и обычное.

Мир нужен всем народам, и если мы сейчас не остановим гонку вооружений, то неизвестно, доживем ли до 2000 года. Теперь очередь за странами Запада и прежде всего за США. От действий этой страны зависит будущее человечества. 1986 год должен стать не просто Годом мира на словах, а годом реального воплощения мирных инициатив.

(АПН)

ЛЕНИНГРАД

Н. РЕПИН,
старший мастер вагоностроительного завода имени Егорова

ПУСТЬ ПОБЕДИТ РАЗУМ

Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева — это путь к миру без войн, к миру на все времена. Мы давно и последовательно стремимся идти именно этим курсом. Очередным, весомым подтверждением тому стало решение нашей страны еще на три месяца продлить принятый в одностороннем порядке мораторий на ядерные испытания.

Чем ответят Соединенные Штаты и их союзники по НАТО? Очередным взрывом на полигоне штата Невада, запуском военного спутника? Так уже было не раз, и все-таки хочется верить, что они наконец-то не на словах, а на деле проявят благоразумие, предпримут реальные шаги по устранению нависшей над планетой угрозы атомной смерти.

Старинная истина гласит, что силой хвастается слабый духом. Нас не запугать никакой самой внушительной демонстрацией военной мощи. За себя постоять всегда сумеем, что и доказывали уже не раз. И потому по праву гордясь достигнутым страной за годы Советской власти, мы с оптимизмом смотрим вперед, направляем свои усилия на дальнейшее улучшение жизни советских людей. Для этого нам, как и всем жителям Земли, необходима уверенность в мирном будущем.

И мы с удовлетворением отмечаем, что в Год мира именно наша страна выступила с призывом к единству в борьбе за прекращение гонки вооружений, за то, чтобы не сила, а разум определял дальнейший ход истории цивилизации.

Митинг в поддержку Заявления М. С. Горбачева на московском Карачаровском механическом заводе.

Фото А. ЧУМИЧЕВА (ТАСС)

БЕЛОРУССИЯ

А. ВАЛАХАНОВИЧ,
председатель колхоза имени Фалько

ЗАБОТА О СУДЬБЕ ПЛАНЕТЫ

Забота о судьбе планеты еще раз прозвучала в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева. Нужен перелом к лучшему на международной арене, говорит товарищ Горбачев. И чтобы создать реальные условия для такого перелома, нужно последовательно осуществить и до конца нынешнего столетия завершить процесс освобождения Земли от ядерного оружия.

Мы, люди крестьянского труда, ценим усилия партии и государства, направленные на сохранение жизни на Земле. Да и как не ценить, когда дел на Земле так много! Наш колхоз набрал хорошие темпы в XI пятилетке. Настроение — не останавливаться. Думаем в первую очередь о людях. Строим жилье, Дом механизаторов. Совершенствуем культуру производства, организацию труда.

Миролюбивая политика Коммунистической партии вселяет уверенность в том, что близко время, когда ни у кого не останется оснований сомневаться: люди нашего поколения могут избавить человечество от угрозы ядерной войны.

Ринальдо ТХОМОН,
рабочий Таллинского фанерно-мебельного комбината

ЛИЧНОСТЬ И КОЛЛЕКТИВ

Зовут меня Рабочий Класс — так, кажется, в одной нашей песне поется?— и это уж точно: отец мой в свое время на фабрике Лютера работал. Теперь она качественно и количественно совершенно изменилась, и название ее об этом скажет —«Объединение ордена Октябрьской Революции Таллинский фанерно-мебельный комбинат». Семья у меня интернациональная: отец эстонец, мать полька, жена финка, дочери учатся в эстонской школе. На производстве у нас тоже интернационал. И уже по этому признаку можно судить о моем мировоззрении. Оно советское. С 1962 года я коммунист. Для меня были примером эстонские коммунисты двадцатых, тридцатых и сороковых годов. Это лучшая часть моего народа, борцы за Советскую власть. Сам я в детстве мечтал стать летчиком, но не вышло. Среднюю школу окончил, еще и техникум индустриальный, а получился из меня столяр. Профессией доволен. Если б не был доволен, не работал бы на одном месте 34 года. Но производство — это лишь часть нашей жизни. У меня оно тесно сомкнулось с участием в жизни общественной. В самом начале трудового пути я был избран комсоргом цеха, сразу стал членом ДНД и вот уже более тридцати лет бессменный дружинник.

Мне доверено почетное и важное дело — я пропагандист. Чтобы с честью оправдать доверие товарищей, выполнять порученное дело профессионально, я поступил в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПЭ на факультет международных отношений. Международное положение сейчас в центре внимания всего мира. Теперь я в своих политбеседах отвечаю на самые разные вопросы, связанные с борьбой за мир. У нас часто заходит разговор о том, каким должен быть наш вклад в борьбу за мир. Дело рук наших — добропорядочно и добросовестно выполненная каждодневная работа. Недавно прошла партийная конференция нашего Ленинского района. О комбинате в целом говорилось хорошо, но были замечания по поводу качества. Конечно, качество всегда можно и нужно улучшать. Сейчас в цехах комбината не встретишь подвыпившего работника, трезвый человек работает лучше и качественнее, чем расслабившийся и чрезмерно веселый. Общегосударственная тенденция к оздоровлению нравственности, к возрождению в чем-то утраченных моральных ценностей, в частности таких, как рабочая честь, уже сказывается на рабочем коллективе.

В проекте новой редакции Программы КПСС всесторонне рассматриваются пути дальнейшего развития советского социалистического общества. Особо подчеркивается роль трудовых коллективов. Я хотел бы предложить в окончательной редакции Программы КПСС уточнить мысль о влиянии коллектива не только на общественные аспекты жизни предприятия в целом, но и на каждую личность. В разделе «Преодоление классовых различий, формирование социально однородного общества» после слов «В социальной структуре советского общества возрастает роль трудовых коллективов» предлагаю записать:

«Трудовой коллектив должен постоянно и неформально влиять на моральный облик каждого работающего, проявлять заботу о его физическом и моральном здоровье, поддерживать в нем чувства интернационализма, рабочей чести, ответственности за весь коллектив».

Мы базовое предприятие Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности Эстонской ССР. В республике торговля нашей мебелью поставлена хорошо. Мы полностью удовлетворяем спрос. Наши постоянные заказчики — Москва, Мурманск, Казань и такие отдаленные места, как районы Крайнего Севера и Дальнего Востока, включая Якутию и Колыму,— довольны продукцией комбината. Мы выпускаем спальные гарнитуры, по качеству они мало чем отличаются от лучших импортных, а цена значительно ниже.

За последнее время мы провели реконструкцию «узких мест» комбината — появилась возможность увеличить объем продукции. Я член парткома комбината, член Таллинского горкома партии уже четыре срока, так что в курсе проблем качества продукции, ускорения технического прогресса, дальнейшего развития социалистического соревнования. И, конечно, знаю проблемы комбината. У нас слишком уж застоялись давние торговые связи. Неплохо было бы Министерству торговли СССР расширить рынки сбыта нашей продукции в других республиках.

Бригада наша — ее возглавляет коммунист Николай Алексеевич Селезнев — комплексная, по многим элементам хозрасчетная. Это значит, что у нас есть рабочие всех нужных нам специальностей: столяры, ремонтники, монтажники — всего 28 человек. С 1986 года мы переходим на полный хозрасчет, будем сами отвечать за использование всех материалов — любой перерасход полностью ложится на бригаду со всеми вытекающими моральными и материальными последствиями. Значит, требуется еще строже беречь каждый винтик и каждую дощечку. Будет экономия — и качество улучшится. Поможет система, порядок во всех организационных делах бригады. А я так понимаю: система и порядок — это залог развития и ускорения технического прогресса.

Ребенком я пережил войну, и потому я за мир, за дружбу народов, за интернационализм, за то, чтобы все люди на Земле жили в мире, всегда были обеспечены работой. Поэтому я приветствую курс нашей партии, которая уверенно ведет нас к улучшению нашей жизни.

Марк СЕРГЕЕВ,
писатель,
заслуженный работник
культуры РСФСР

Над Сибирью ветер перемен

В документах наших партийных съездов красной строкой не раз была прописана Сибирь.

Сперва великие гидростройки — Братская, Вилюйская, Красноярская, Усть-Илимская — превратили Сибирь в своего рода «электрическое солнце», которое не только живительно обогрело зауральскую часть страны, но и понесло по высоковольтным линиям электропередач мощь Ангары, Енисея и других славных сибирских рек на запад. Под этим светом расцвели в таежной глухомани молодые рабочие города Братск, Ангарск, Дивногорск, Железногорск...

Почти одновременно с гидроэлектростанциями росли стальные магистрали Сибири: Абакан — Тайшет, Хребтовая — Усть-Илимск, увенчавшиеся пока пуском первых сквозных поездов по БАМу, а ныне устремившиеся на север, в Якутию.

В Сибирском отделении Академии наук СССР и его филиалах во всех концах огромного региона развиваются как фундаментальные направления науки, так и прикладные. Причем теперь стало ясно, что научная мысль спаяна с производством диалектически, неоднозначно, что торопливые сиюминутные успехи хотя и важны, но не могут поспеть за быстро летящим и меняющимся неузнаваемо веком.

Чем только не занимается сегодня сибирская наука! Ионосфера и разломы земной коры, вызванные сложными процессами, происходящими в каменных толщах; получение жидкого кремния, его многочисленных соединений, дающих новые неизвестные вещества с неожиданными и очень важными свойствами; рекультивация земли в шахтных и рудничных отвалах, превращение так называемого мертвого «лунного пейзажа» в живой, зеленеющий травой и деревьями мир; поиски «сосуда» для плазмы и проникновение в тайны наледей и вечной мерзлоты... Уже есть под Новосибирском сибирские отделения отраслевых наук — сельскохозяйственной и медицинской, уже растет кольцо экспериментальных заводов — спутников академгородков.

Так решается здесь важнейшая задача, поставленная партией в проектах новой редакции Программы КПСС и Основных направлений экономического и социального развития СССР: максимальное сокращение времени между новым открытием, изобретением и внедрением его в производство.

И, наконец, нефтяная эпопея Сибири, столь ярко начатая на Обском севере, в «стране Тюмении», а сегодня продолжающаяся на востоке...

Вот какой путь прошла Сибирь за последние тридцать лет, путь поразительный, не имеющий аналогий. Взять хотя бы создание территориально-производственных комплексов. Первый из них, Братско-Усть-Илимский, поднял к жизни колоссальную площадь, лежащую в срединном течении Ангары, связал воедино энергетику, алюминиевую и деревообрабатывающую промышленность, градостроительство и строительство горно-обогатительных комбинатов, индустриальное производство и сеть надежных дорог.

Именно на территориально-производственные комплексы делают упор предсъездовские партийные документы, намечая перспективы дальнейшего хозяйственного освоения Сибири.

В проекте Основных направлений ставится вопрос о превращении Сибири из поставщика сырья — угля, руды, нефти, леса — в край многоотраслевой промышленности, что резко сократит транспортные перевозки и придаст устойчивый, постоянный характер многим населенным пунктам, особенно в зоне БАМа. Во-вторых, и это для нас, сибиряков, очень важно, обращено серьезное внимание на создание здесь инфраструктуры.

Проекты новой редакции Программы КПСС, Основных направлений отразили всевозрастающие экологические заботы, требование хозяйского подхода к дальнейшему использованию природных богатств. А значит, наша писательская задача — своими книгами воспитывать в каждом человеке, какой бы пост он ни занимал, любовь к той земле, что кормит его и поит, дает ему возможность возвыситься в труде. Возвыситься не любыми средствами, а рачительностью, бережным отношением к дереву и травинке, к малой реке, несущей жизнь как близлежащей тайге, так и душе человеческой.

Сибирь недаром называют «континентом будущего» — в ней свершается многое из того, к чему обращены надежды сегодняшних жителей Земли. Эти сибирские перемены по-своему преломляются в литературе.

За последние годы появились романы и повести, очерки, стихи, посвященные Сибири и сибирякам, в таком количестве, что ими можно было бы уставить полки большой библиотеки. Среди них произведения, которые поднимали проблемы глубокие, разрушали привычные стереотипы, открыли новые характеры и конфликты общечеловеческого масштаба, пусть даже на местном материале. Прежде всего это касается произведений, так или иначе выводящих уравнение: человек — ПОКОРИТЕЛЬ ПРИРОДЫ и человек — ЧАСТЬ ПРИРОДЫ, работник в таежном мире, понимающий, стало быть, что с ним надо вступать в содружество, а не в конфронтацию. Об этом прямо сказано в Основных направлениях: «Обеспечить сохранность природной среды экономической зоны СССР и континентального шельфа СССР... Усилить работу по охране, воспроизводству и рациональному использованию растительного и животного мира... Воспитывать у советских людей чувство высокой ответственности за сохранение и приумножение природных богатств, бережливое их использование».

Ну как тут не вспомнить «Царь-рыбу» Виктора Астафьева или «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина. Уж они-то воспитывают!

Приходят на память и другие известные писательские имена сибиряков, появившиеся за минувшие десятилетия в российской литературе. У каждого читателя наверняка свой список, и он все время пополняется... Достойное место занимают в нем ныне имена моих коллег-земляков из Якутии, Бурятии, Хакасии, с Алтая.

Перед нами, работниками идеологического фронта, выдвинута в Основных направлениях конкретная программа действий на ближайшую перспективу. Партия предлагает повысить роль социалистической культуры в идейно-политическом и нравственном воспитании трудящихся, «развивать и укреплять материальную базу культуры и искусства».

Сейчас многое начало меняться к лучшему в культурном строительстве Сибири. В первую очередь укрепилась сама материальная база культуры. Тут наиболее повезло Красноярску: оперный театр, институт культуры, симфонический оркестр, два современных концертных зала и немало другого. Существенные сдвиги происходят в Кемерове. Начал оживать Иркутск. При благоприятном климате, при наличии партийных документов и решений правительства, поощряющих развитие культуры, нужно еще, чтобы и местные руководители, увлеченные грандиозными экономическими преобразованиями своего региона, не забывали о духовных потребностях людей. Три пятилетки база культуры в Иркутской области развивалась слабо. Недавно сменилось областное руководство, сфера культурной деятельности стала здесь равноправной с хозяйственной, социальной, и перемены не замедлили сказаться: в Иркутске возводится музыкальный театр, его фундамент заложили давно, но стройка на неопределенный срок была заморожена. Пятнадцать лет пылился готовый и утвержденный проект Иркутской областной библиотеки, а сама она вела плачевное существование, не имея возможности развернуть свои уникальные фонды. Сейчас вопрос о строительстве ее, а также научной библиотеки университета решен. Но дело в конце концов не только в создании материальной базы культуры, важно, как используется то, чем мы уже богаты.

Сибирь — своеобразный край, культурная жизнь которого возникла не вдруг, на нее оказали благотворное влияние еще декабристы. Все три поколения русского революционного движения — декабристы, народовольцы, большевики — устраивали здесь школы и библиотеки, составляли словари языков народов Сибири, записывали фольклор, обучали молодых сибиряков музыке, готовили их к поступлению в высшие учебные заведения России, организовывали музеи, трудились в Географическом обществе... В нашем прекрасном крае помнят, берегут и приумножают эти славные традиции.

Предсъездовские документы, вынесенные на всенародное обсуждение, поддерживают и пробуждают инициативу в самых широких слоях советского общества. Свежий ветер перемен властно врывается в душу, зовет к действию.

Иркутск.

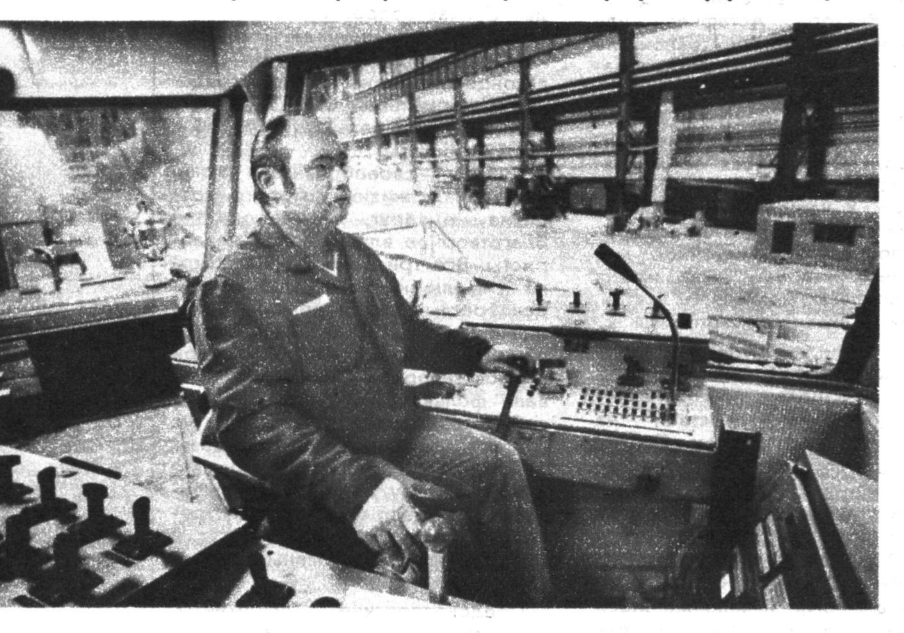
Бригада держит совет.

Здесь живут ижорцы.

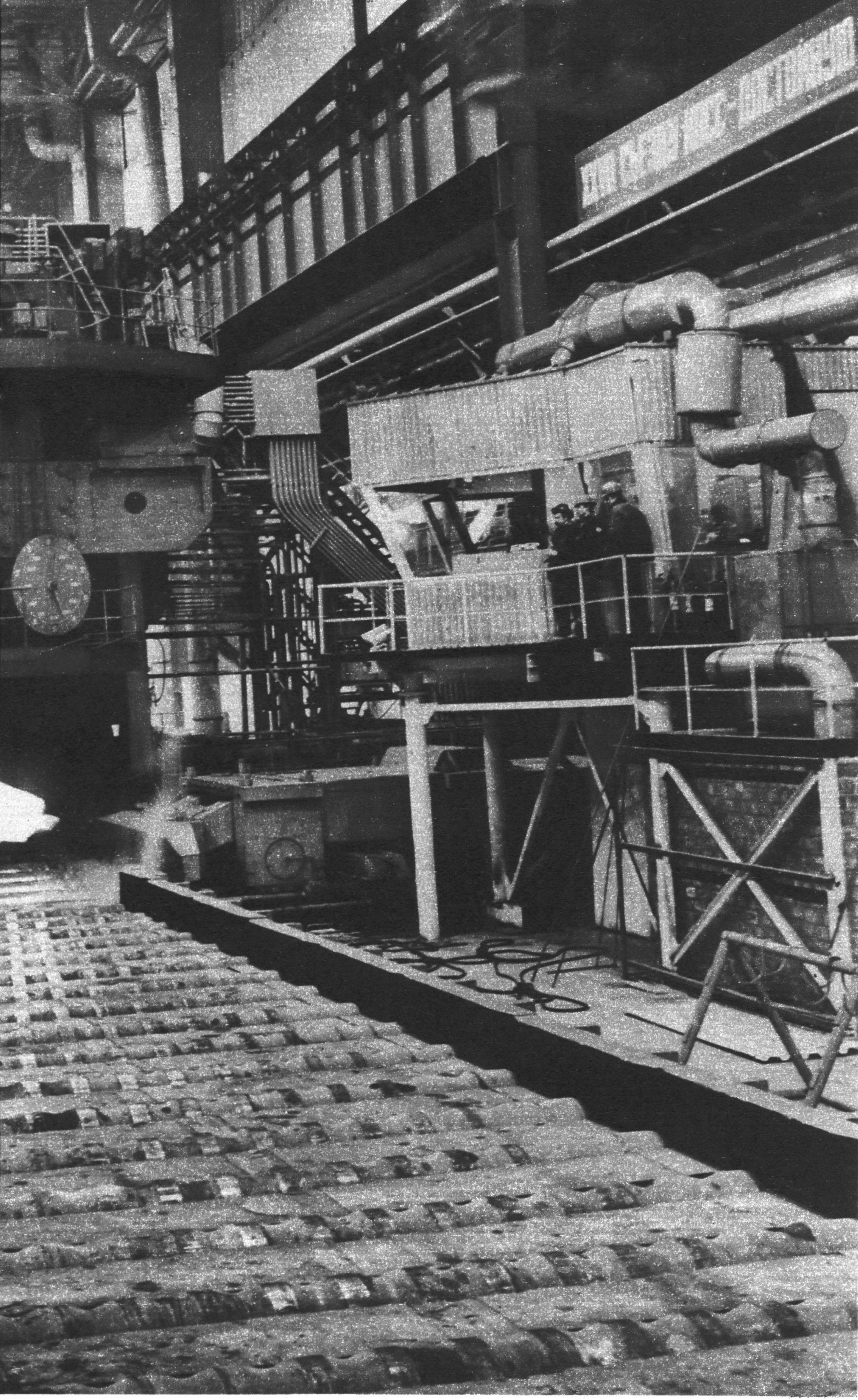

Старший оператор Г. А. Ратушников у пульта управления.

гиганты
пятилетки

ИЖОРСКИ

Ижорский завод. В прокатном цехе.

Й СТАН

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
фото Алексея ГОСТЕВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Старожилы рассказывают, что на заре нынешнего века участок Невского напротив Казанского собора в порядке эксперимента был вымощен железом.

Эксперимент провалился не то что с треском — с грохотом, который сопровождал каждый экипаж, въехавший на эту «чертову мостовую», как прозвали ее петербургские извозчики, всячески избегавшие новинки не столько из-за шума, сколько из-за того, что она калечила оступавшихся, скользивших по ней рысаков.

А вот мне подобная «мостовая» понравилась. Идеально ровная, выложенная из массивных плит, она точно вывела меня к высоченной башне клети кварто нового стана «5000».

Листы, по которым я шагал, совершая мысленный экскурс в историю, предназначались, конечно же, не для прокладки дорог, но, уложенные рядком, наводили на сравнение с хорошим шоссе, на котором не то что извозчикам — самым могучим автопоездам было бы нетесно.

Никогда ранее не доводилось видеть столь огромных цельных листов. Но начальник цеха № 30 В. Чернышов, заметив мое удивление, только улыбнулся.

— Это далеко не предел. Стан — единственный в стране, способный выпускать стальной лист и плиты шириной до пяти метров и толщиной от 10 до 450 миллиметров.

Валерий Владимирович оказался первым человеком, которого мне посчастливилось встретить во время получасового блуждания в лабиринте подземных и надземных сооружений. Сначала про себя я объяснил это субботой — день-то выходной, потом, оценив масштабы, понял, что и будни тут многолюдьем не отличаются — площадь листопрокатного семь с половиной гектаров, уровень механизации достаточно высок, так что лишний народ тут просто ни к чему.

Ну, а встреча именно с В. Чернышовым была закономерной, во всяком случае, наиболее логичной, так как вот уже третью неделю с самого первого января, когда его назначили начальником цеха, он фактически днюет и ночует тут: уходит около двух ночи, приходит в половине восьмого утра. Иначе, как сам считает, нельзя — тут многие тысячи механизмов, обязанные действовать с точностью хорошо отлаженных часов.

Отмечу, что все 28 тысяч тонн оборудования, использованного здесь, отечественного производства, причем более десяти тысяч тонн основного нестандартизированного поставили сами ижорцы, совершив настоящий трудовой подвиг, поскольку создание его пришлось на последние три года, когда флагман советского атомного машиностроения выходил на новые, соответствующие требованиям времени рубежи выпуска оборудования для атомных электростанций. Хватало забот и с карь-

ерными экскаваторами, другой традиционной продукцией, но не в характере ижорцев отказываться даже от невыполнимых, казалось бы, по срокам и сложности задач, если того требуют интересы страны.

Еще в 1931 году они сделали самый первый советский прокатный стан. В те времена их выпускали лишь США и Германия и потому диктовали свои условия на мировом рынке. Американцы, в частности, запросили с нас 16 миллионов рублей золотом и обещали справиться с заказом за год. Ленинградцы валюту сэкономили, а уложились, обойдясь, кстати, без помощи иностранных специалистов, всего за 8 месяцев 28 дней.

Вспоминаю об этом с понятным чувством гордости: ведь могли же да и сейчас можем соперничать с любыми самыми авторитетными зарубежными фирмами! Лишнее доказательство тому — богатырь-пятитысячник, спроектированный и построенный в рекордно короткие сроки.

В этом немалая заслуга коллективов колпинского отделения ВНИИметмаша, треста № 35 Главзапстроя, бригад Г. Зверева, Г. Ангольда, Л. Плеханова и многих других представителей смежных монтажных организаций. Используя прогрессивный метод проектирования и ведения строительно-монтажных операций, сквозной бригадный подряд, смело применяя новые инженерные решения, они сумели уложиться в изначально жесткие сроки строительства, обеспечили его высокое качество.

Упомянув всего несколько фамилий, невольно чувствую неловкость перед десятками других мастеров, отдавших этим выросшим в чистом поле корпусам не просто месяцы труда, но и частицу своей души, без которой не оживает, не наполняется творческим содержанием ни одно великое или малое дело. Красоту никогда не создавали равнодушные руки, а стан, помимо всех его технических достоинств, еще и попросту красив.

Теперь понимаю, почему, оставив свой НИИ, чисто научные заботы, ушел в практические, ох, какие нелегкие хлопоты первый начальник листопрокатного цеха В. Д. Елякин, одновременно назначенный и заместителем главного инженера объединения. Один из разработчиков проекта стана, он, можно сказать, своими руками, от нуля до крыши поднял его.

Его преемнику В. Чернышову еще далеко до сорока, но роднят их самоотдача, преданность избранному делу. И, пожалуй, хватка, за которой и опыт, и знание жизни, людей.

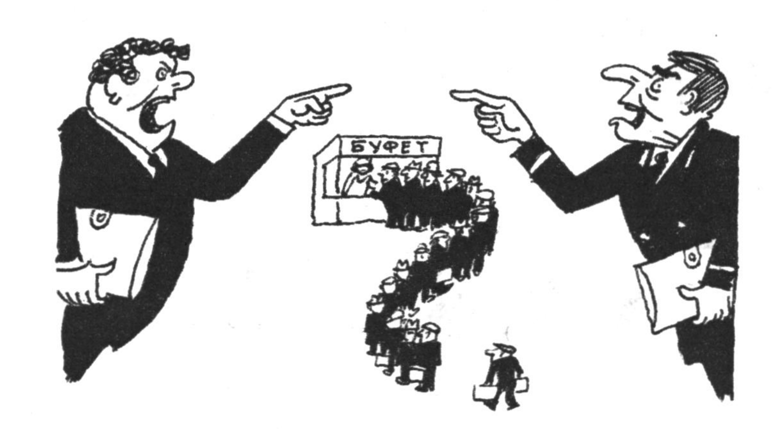
Молоды и старший мастер А. Толченов, гидравлик В. Комяков, помощник начальника цеха по механическому оборудованию В. Толоконников. Они посланы сюда для оказания технической помощи Череповецким металлургическим заводом как опытные специалисты и рекомендацию эту оправдали полностью.

Помощь ижорцам со стороны крупнейших металлургических центров страны, поделившихся самым ценным — лучшими кадрами,— весьма примечательная черта. Ну, а ижорский прокат поможет стране, найдет себе применение в атомной энергетике, в судостроении на магистральных газопроводах.

120 тысяч тонн уникального проката в год — на эту мощность первая очередь пятитысячника должна выйти в мае. Но предсъездовская трудовая вахта зажигает свои маяки, и обязательство это будет, судя по всему, выполнено досрочно.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ВОПРОС НЕ РЕШЕН, И РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Вокзал при ресторане

Никто не спорит, все вроде бы согласны с тем, что быстрые, недорогие вокзальные кафе нужнее пассажиру, чем вокзальные рестораны.

Ведь только десять процентов пассажиров (ссылаюсь на цифру, приведенную в полученном редакцией письме начальника Главобщепита столицы В. Родичева) успевают при нынешней организации дела поесть-попить на вокзале. Такое положение тревожит и заботит как Министерство торговли, так и Министерство путей сообщения. Заинтересованные организации, отозвавшись на первую публикацию, согласились с ней, поддержали предложение перепрофилировать вокзальные рестораны, сделать вокзальный общепит удобным для всех отъезжающих-приезжающих, таким, чтобы он отвечал требованиям и духу времени. Мы уже сообщали («Огонек» № 39, 1985) о том, что широкий и представительный всесоюзный семинар предписал (а семинар имел право и предписывать, потому что проводили его руководители Минторга СССР, Министерства путей сообщения, Центросоюза и Центрального правления научно-технического общества торговли) «продолжать работу по перепрофилированию ресторанов на вокзалах в предприятия быстрого обслуживания».

Все за? Так отчего же дело не движется, почему до сих пор ни один вокзальный ресторан столицы даже не начал работу по перестройке? Разместить на той же ресторанной площади по две-три столовые самообслуживания, молочный буфет, несколько кафетериев, бутербродную и блинную — все это на благо тех, кто пользуется вокзалами; а это ежегодно многие миллионы людей.

Состоялось по этому поводу еще одно совещание — селекторное. Редакцию о нем заблаговременно не известили. Но, говорят, были на этом совещании заместитель министра путей сообщения В. Калиничев, заместитель министра торговли СССР В. Бычков и, как принято говорить, «другие заинтересованные лица», по должностному своему положению обязанные заботиться об удобствах для пассажиров. Замминистра В. Калиничев так и написал редакции: «Одной из первоочередных задач мы считаем необходимость продолжения работы по перепрофилированию ресторанов на вокзалах в предприятия быстрого обслуживания». И, пишет далее тов. Калиничев, эта «проблема была предметом обсуждения» на том самом селекторном совещании.

Может, не участвовали в этой «летучке» некоторые железнодорожные руководители, может, не для них писаны приказы МПС, но вот пришло в редакцию письмо из Главобщепита Мосгорисполкома, в котором начальник главка В. Родичев озабоченно и встревоженно сообщает, что именно железнодорожное вокзальное начальство воспротивилось созданию на вокзалах экспресс-кафе, диетических столовых, блинных и прочих, как нельзя более подходящих именно для вокзалов «точек» дорожного питания.

Начиная с 1980 года, сообщает начальник главка, по распоряжению руководства московской железной дороги на вокзалах ликвидировано 55 предприятий питания в зданиях вокзалов и на привокзальных площадях. На Савеловском вокзале, ресторан которого плох так, что хуже не бывает, «ликвидировали единственный буфет, а затем руководством вокзала запрещена работа тележки по реализации кофе и выпечных изделий... Московско-Рижское отделение дороги запрещает приступить к работам по перепрофилированию ресторана на Савеловском вокзале. Перепрофилирование ресторана при Казанском вокзале запретило руководство Московско-Рязанской железной дороги».

Может ли быть такое, засомневался я. Ведь в апреле 1984 года, отзываясь на публикацию журнала («Огонек» № 11, 1984), МПС сообщило, что, по мнению министерства, «на большинстве вокзалов вместо ресторанов должны быть организованы кафе и буфеты, в которых можно быстро и недорого покушать».

Опять же при таком-то единодушии руководства МПС и Минторга дело в Москве с места не сдвинулось. Главобщепит предоставил редакции переписку с руководителями дорог и вокзалов.

«...Считаю перепрофилирование ресторана нецелесообразным»,— категорически заявляет начальник станции Москва-пассажирская Курская В. Шатаев в письме директору ресторана. «Станция Москва-пассажирская Ярославская считает перепрофилирование ресторана при Ярославском вокзале в кафе нецелесообразным по многим причинам», среди которых упомянута и такая, как обслуживание «спецмероприятий по линии МГК и РК КПСС, МПС, Минторга СССР». Что за спецмероприятия? Может, внесут в это ясность организации, перечисленные в письме и. о. начальника станции И. А. Семенова? Есть, как видим, в этом перечне и Минторг СССР, и МПС. Кто, с кем и что не согласовал? То ли заместители министров не поинтересовались мнением начальников станций, то ли начальники станций не считаются с указаниями руководства министерств.

Видимо, придется разобраться в этом, потому что пока идут только переписка и совещания. Те попытки, что Главобщепит сделал, желая подлатать вокзальный общепит, разбились о непреклонность вокзально-станционного начальства, которое действует по формуле: «Не допущу!» Если правы начальники станции, надо бы МПС признать свою ошибку, принести извинения подчиненным и оставить все так, как есть сейчас: очереди к редким буфетам, казенную ресторанно-вокзальную еду, оставить 90 процентов пассажиров за пределами вокзальных ресторанов. «Работа по дальнейшему расширению сети и перепрофилированию предприятий общественного питания на вокзалах и станциях продолжается совместно с Министерством путей сообщения»,— заверяет нас, однако, заместитель министра торговли СССР В. Бычков, не ведающий, похоже, о позиции начальников некоторых станций и вокзалов, не знающий об их строптивой несговорчивости.

Кто и что возьмет верх? И изменится ли при такой позиции руководителей станций и вокзалов что-либо к лучшему?

Между тем Министерство путей сообщения информировало редакцию, что начинается работа по «передаче функций питания пассажиров от Минторга СССР в ведение МПС» и «разрабатывается комплекс мер по улучшению обслуживания пассажиров на железнодорожном транспорте». Хотелось бы полагать, что в ряду этих мер — и переделка ресторанов, надобность в которой продиктована жизнью...

Министр путей сообщения Н. С. Конарев, отвечая на мой вопрос о перспективах дорожного сервиса, подтвердил, что железнодорожный общепит с января нынешнего года передан в МПС.

— Для нас это новое дело,— сказал он,— но мы хотим взяться за него так, как положено. И тут придется заниматься не только организационными вопросами, но и техническим оснащением предприятий общественного питания.

Может, приступить к этой работе в первую очередь на тех станциях и вокзалах, которыми руководят самые несговорчивые начальники? И совместить техническое переоснащение железнодорожных ресторанов, кафе, столовых с их организационной перестройкой.

К. БАРЫКИН

О. Савостюк. Род. 1927. НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК РСФСР, АКАДЕМИК ЖИВОПИСИ М. М. ЧЕРЕМНЫХ. (Фрагмент).

Выставка произведений московских художников, посвященная XXVII съезду КПСС.

Д. Жилинский. Род. 1927. ИГРАЕТ СВЯТОСЛАВ РИХТЕР.

Выставка произведений московских художников, посвященная XXVII съезду КПСС.

В Белом зале музея царит музыка.

«Без романтики — как без души!»

Поет Роберт Холл (Нидерланды).

Юный музыкант Женя Кисин с мамой.

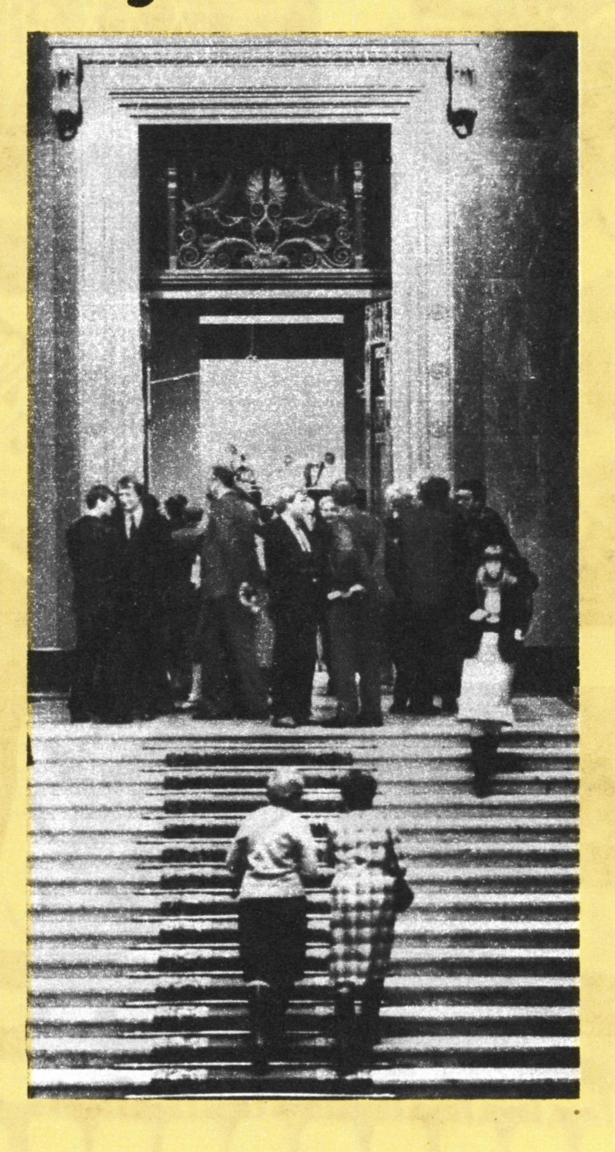

О фестивале «Декабрьские вечера», проходящем в залах Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина, всегда говорят как о празднике искусства. И обязаны мы рождением этого праздника директору музея Ирине Александровне Антоновой и народному артисту СССР Святославу Теофиловичу Рихтеру.

Зрители и слушатели недавнего фестиваля, получившего название «Мир романтизма», познакомились с картинами, прибывшими из десятков музеев Великобритании, ГДР, Польши, Франции и СССР. В экспозиции, на фоне которой звучала музыка Шуберта, Шумана, Шопена, закономерно представлено немало живописных портретов музыкантов.

Напомним одну из главных идей «вечеров»: параллельное восприятие музыки и живописи. Вот и на этот раз многочисленные пейзажи выставки (Тернер, Констебл, Дюпре) стали прекрасной основой для музыкальных ассоциаций. В концертах фестиваля выступили замечательные советские и зарубежные исполнители. Сольный концерт Святослава Рихтера (фортепианная музыка Шопена) вновь подтвердил уникальность и непревзойденность его мастерства.

В одном из интервью на вопрос, почему для нынешнего фестиваля была выбрана тема романтизма, Рихтер ответил: «Романтизм неотъемлем и в наши дни. Он должен быть всегда, и не только в искусстве, но и в жизни. Я убежден, что искусство всегда несет идеалы романтизма... Без романтики — как без души!»

Перед концертом.

Фото Ю. АХЛОМОВА

16:03
16:26
58429653
A
14:00
15:00

«Выдвигаемая партией задача ускорения социально-экономического развития страны требует глубоких сдвигов прежде всего в решающей сфере человеческой деятельности — экономике. Предстоит осуществить крутой поворот к интенсификации производства, переориентировать каждое предприятие, каждую отрасль на полное и первоочередное использование качественных факторов экономического роста»,— записано в проекте новой редакции Программы КПСС.

Выполнить эти планы невозможно без создания новейшей вычислительной техники, внедрения ее во все области нашей работы и жизни.

Сегодня ЭВМ управляют производственными процессами, космическими кораблями и спутниками, ведут по курсу самолеты, следят за качеством изделий, здоровьем людей и даже самочувствием Земли.

Компьютеры вышли на тесный контакт с человеком, и скоро вездесущий экран плоского дисплея станет нашей газетой, книгой и телевизором одновременно.

В реализации этих планов, в самом широком внедрении компьютеров в народное хозяйство огромная роль принадлежит математикам, программистам, инженерам-экономистам — штурманам народного хозяйства.

- **КОМПЬЮТЕРНЫЙ КЛАСС СТРАНЫ**
- **ЕЩЕ РАЗ О «ДЕЛОВЫХ ИГРАХ»**
- **НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВУЗА**

ШТУРМАНЫ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

В. ФРОЛОВ,
кандидат технических наук

С юношеских лет мы помним формулу: «Товар — Деньги — Товар». И снова — «Деньги»... Знаменитый цикл расширенного воспроизводства, незримые, но удивительно прочные нити производственных отношений. В экономике не создашь тепличных или лабораторных условий, не избавишься от помех, которые затрудняют видение исследуемого процесса в «незамутненном» виде: для этого пришлось бы остановить саму жизнь на Земле. Еще К. Маркс отметил: «...При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции».

Иногда говорят: «экономика действует как кибернетическая машина» или «экономике присущи черты живого организма». Но народное хозяйство неизмеримо сложнее любой машины и любого биологического организма. Не случайно один из самых первых кибернетиков, Н. Винер, свою книжку назвал «Управление и связь в животном и машине», не рискнув добавить: «и в экономике». К сожалению, в последнее время в популярной литературе, посвященной экономике, порой проявляется облегченный, что ли, подход. Сложнейшие экономические проблемы подчас сводятся к элементарнейшим. Вот там-то жгут тару, загрязняя воздушный бассейн, вместо того чтобы отсылать ее назад, к поставщику. Там-то затягивают перекуры, там-то перерасход бензина, и т. п. Но корень проблемы гораздо глубже. Недаром крупнейшие математики в один голос утверждают, что ни одна область знаний не подкидывает им столько загадок, как экономика. Это настоящая Метагалактика, растворенная в нас самих, в биосфере, в сложнейших электронных системах, во всех индустриально-аграрных комплексах с мириадами невидимых ниточек — производственных отношений. Чтобы иметь право рекомендовать тот или иной курс хозяйственному руководителю, надо много и упорно учиться, познавая объективную реальность экономических законов, проникая в суть «Его величества» хозяйственного механизма.

Выступая на апрельском Пленуме ЦК КПСС, Генеральный секретарь Центрального Комитета нашей партии М. С. Горбачев, говоря о перспективах нашего поступательного движения вперед, к коммунизму, отмечал: «Развитие советского общества в решающей мере будет определяться качественными сдвигами в экономике, переводом ее на рельсы интенсивного роста, всемерным повышением эффективности. Именно с этих позиций должны оцениваться положение в народном хозяйстве и определяться задачи на будущее».

В наши дни, пожалуй, ни одно серьезное научное исследование невозможно без помощи математических моделей и быстродействующих ЭВМ. Быть с ЭВМ «на ты» будущий экономист учится еще со студенческой скамьи. Если раньше преподавателям экономических факультетов вузов приходилось немало времени отводить на «компьютерную грамоту», то теперь дело будет обстоять иначе. Каждый первокурсник придет в вуз уже с навыками работы не только на микрокалькуляторах, но и на терминалах ЭВМ.

В МГУ на экономическом факультете оборудован специальный класс «деловых игр». В нем будущий экономист учится проигрывать на дисплейном устройстве множество хозяйственных ситуаций, различные, но вполне реальные жизненные коллизии. Студент, работая с ЭВМ, действует по принципу: «Если бы директором был я»...

«Если бы я был начальником цеха»... «Если бы я был деканом»... И даже: «Если бы я был генеральным директором научно-производственного объединения»...

По существу, мы являемся свидетелями того, как сбывается гениальное предвидение Владимира Ильича Ленина о постепенном приобщении к управлению государством все более широких масс трудящихся.

Откуда пошли «деловые игры»? На этот счет существуют разные мнения. Одни считают, что они родились в трудные годы «военного коммунизма». Другие утверждают: еще раньше. Зарождение их восходит к «потешным маневрам», впервые введенным в России Петром I. Впоследствии те же «маневры», а точнее, имитация «проблемных ситуаций», проникли под названием «деловых игр» в экономику. Как бы там ни было, а без них штурману экономики в современных условиях не обойтись. Они позволяют не только сберечь дефицитные ресурсы, среди которых едва ли не самым ценным является время, но и «набить руку», принимая грамотные решения в сложных, а подчас и критических (скажем, при ликвидации последствий стихийного бедствия) хозяйственных ситуациях.

Чтобы человек за пультом и дисплеем освоил «игровую» методику, необходимо заложить в компьютер довольно тонкую математическую модель. Она-то и должна описывать ход дел на вполне конкретном экономическом объекте — предприятии, отрасли или в целом регионе. Заместитель декана экономического факультета МГУ, профессор, доктор экономических наук Ю. Н. Черемных, развивая идеи академика В. С. Немчинова, разработал специальную методику для составления перспективных планов развития народного хозяйства. В основу его модели положена теорема о так называемой «магистрали». Она играет в экономической теории ту же роль, что постулаты Эвклида в геометрии. Если удается вывести «воздушный корабль» экономики на эту «магистраль», он и далее следует по траектории: экономический механизм срабатывает «без сучка и задоринки». Разумеется, модель всегда останется лишь моделью, но она позволяет эффективно бороться с необозримой сложностью исходных уравнений, перед которой пасуют даже современные ЭВМ.

Большой творческий коллектив ученых собран сейчас на экономическом факультете МГУ, их работы как нельзя лучше подтверждают слова М. С. Горбачева о научном потенциале вузов. Именно здесь создан сейчас Центр проблем управления общественным производством; руководит им профессор Г. Х. Попов, автор важной и интересной для каждого командира производства книги «Труд руководителя» — и для директора завода, и для председателя колхоза, и для министра.

Факультет — ровесник Великой Отечественной войны. Он был организован в декабре 1941 года, едва врага удалось отогнать от Москвы... В то время нынешний декан факультета Виктор Никитич Черковец, совсем юный, еще не помышлявший о научном поприще механик, на прифронтовом аэродроме готовил боевые машины к вылету. Ныне он доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. Другой известный ученый-экономист, преподающий на этом факультете, академик Т. С. Хачатуров, во время войны стоял у руля Научно-исследовательского института железнодорожного транспорта, много сделавшего для нашей Великой Победы. Ученый с мировым именем стал председателем недавно организованного в стране Всесоюзного научно-экономического общества, избран почетным президентом Международной экономической ассоциации — этого представительнейшего органа экономистов всего мира.

Без экономистов — штурманов производства — не обойтись ни промышленности, ни сельскому хозяйству. Возьмите хотя бы работу по агропромышленным комплексам (АПК).

— Мы стали заниматься АПК,— делилась со мной профессор Эльмира Николаевна Крылатых,— когда такого слова еще в помине не было. Это сейчас мы вроде к нему привыкли, как, скажем, к аббревиатуре «ЭВМ». А ведь находились скептики, которые говорили: «Ну, зачем вам это нужно? Опять хотите возродить идею «агрогородов»?..» Приходилось с цифрами в руках доказывать неизбежность перехода к АПК.

Э. Н. Крылатых работала в колхозе «Рассвет», где председателем был легендарный К. П. Орловский, Герой Советского Союза. «Забудьте, что вы экономист какого-то там опорного пункта,— сказал ей при первой же встрече Кирилл Прокофьевич,— вы колхозница. Прежде чем считать, надо видеть, что будете считать. На завтра назначаю вас ответственным по заготовке силоса. Начало — в пять утра».

◀ Коллаж Олега ГРАЧЕВА

Орловский — бывший фронтовик, получил на войне увечье, но остался в строю. Он поднимал колхоз буквально из пепла на разоренной белорусской земле, это о нем был сделан кинофильм «Председатель».

Экономистам факультета в рамках Продовольственной программы приходится решать совершенно новые социально-экономические проблемы. Например, как обеспечить сбалансированное на протяжении всего года питание каждого жителя РСФСР овощами и фруктами? Если в отношении суточного потребления калорий вопрос уже давно благоприятно решен, то по витаминам мы еще не достигли физиологических норм. Суточная потребность в этом «малом золотнике» — всего несколько десятых грамма, но где их взять в нашей северной полосе зимой и весной? К сожалению, ЦСУ не дает раздельных сведений по регионам, где можно было бы собирать 2—3 урожая овощей в год. К тому же овощи и фрукты — это «ручные» культуры, здесь одной механизацией труда, как, скажем, в зерновом хозяйстве, проблему не решить.

Доцент С. И. Половенко применил хорошо известный в промышленности метод отраслевого баланса к агротаблицам. В результате компактной группировки удалось разбить всю территорию РСФСР на зоны, которые в течение года могут «работать», если так можно выразиться, в трех режимах: самообеспечения, централизованных поставок и их комбинаций. Овощи и фрукты роднит с информацией свойство «быстро портиться». Следовательно, как по ниточке, вытягивается новая проблема — проблема оперативной доставки, транспортное обеспечение.

Другой вариант: «выращивание» витаминов в защищенном грунте, то есть под пленкой, в теплицах, и используя термальные воды промышленных предприятий. Однако на ряд зон РСФСР природа вносит суровый запрет: не хватит солнечной радиации. Можно, конечно, перейти на искусственное, люминесцентное освещение, но пока это обходится в немалую копеечку и экономически нерентабельно. Без использования достижений НТР и тут не обойтись: нужны новые, причем принципиально новые, промышленные системы транспортных холодильных устройств. Некоторый опыт в этом плане есть в АПК Украины, где применяются рефрижераторы сверхбольшой емкости с газовой подпиткой. Уже говорилось, что овощи и фрукты — «ручные» культуры. Для них в условиях временного дефицита трудовых ресурсов нужна нетрадиционная механизация. Может быть, целесообразно разработать роботы-манипуляторы специально для «агроцехов», где люди весь год трудятся под открытым небом. Это вполне под силу повсеместно организуемым АПК.

Вот какие проблемы можно решить с помощью «деловых игр» и математического моделирования.

Успех дела во многом будет зависеть от новых кадров экономистов, от творческого вклада преподавателей, аспирантов и студентов наших вузов, решивших посвятить свою жизнь, по выражению В. И. Ленина, самой интересной политике — экономике.

после суда

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. ЧТО ПОРОЖДАЕТ ИХ? ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ К ЗАКОНАМ? ПРАВОВАЯ НЕКОМПЕТЕНТНОСТЬ?

Граждане помощники

Петр РЕДЬКИН

Сколько деловых писем начинается со слов: «Прошу Вас оказать помощь...» Этот оборот сделался штампом, употребляемым к месту и не к месту, когда на первый план выдвигается не государственный закон, а личное расположение того, кому адресована бумага.

Расположения можно добиться и с помощью другой, не менее магической формулы: «В связи с производственной необходимостью...»

Но всегда ли помнит автор такого письма, что сочиняет он не личное послание — например, от начальника отдела главного механика всесоюзного производственного объединения «Союзмедь» тов. Гева В. А. к председателю колхоза «Ударник» из Тамбовской области Сапелкину П. П.,— а документ, акт управленческой деятельности, обозначающий степень готовности «автора» управлять, брать на себя ответственность, следовательно, знать законы и инструкции, на основании которых принято им решение обратиться, например, к тем же тамбовским колхозникам?

Но прежде чем рассказать о тех, кто «не взял», расскажу о незаметном столичном труженике Курепкине — наследственном модельщике, изготовителе из дерева самых что ни на есть обыкновенных моделей для отливки деталей.

Возможно, Курепкин читал про Остапа Бендера. Мог он почерпнуть схему поведения данного персонажа и из кино. Все это не суть важно. Важно другое — то, что однажды Курепкин, не прикидываясь сыном лейтенанта Шмидта, запросто явился в «Союзмедь», в небоскреб на Калининском проспекте в Москве, и сказал тов. Геве, начальнику отдела главного механика, те слова, под которыми тот изо дня в день ставил свою подпись. Правда, прозвучали они в несколько ином порядке: «В помощи модельщика не нуждаетесь?..»

Сразу же зададимся вопросом: почему предприятия, расположенные в Москве, Иркутске, Алмалыке, не имеют достаточного числа собственных модельщиков? Почему умелец Курепкин вдруг предстал перед измотавшимся в поисках «помощников» Гевой прямо-таки спасителем? Главный инженер подведомственного «Союзмеди» Московского медеплавильного и медеэлектролитного завода тов. Богданов потом пояснял следствию: по плану межотраслевых кооперативных поставок медеплавильщики должны поставлять заказчикам целую номенклатуру различных видов литья. В связи с перегрузкой модельной и хроническим недостатком модельщиков завод вынужден был пользоваться услугами модельщиков «со стороны»...

«В связи с перегрузкой» — запомним еще одно пробивное выражение, ни у кого не вызвавшее сомнений, даже у следователя прокуратуры и тем более у суда; короче, «железный», как говорят, аргумент в пользу того, чтобы главный инженер оформил письмо и выдал заказ представленному ему «Союзмедью» Курепкину. Всем устраивал его напористый малый — и обещанными сроками исполнения, и стоимостью моделей. Гарантийное письмо? Тотчас выдали, сопроводив его ободряющими сигналами в Алмалык, в Ревду: есть человек! Недорого берет! Аванса не просит! Представляет какую-то организацию. Да что за разница, какую? Главное дело — обещает моделями обеспечить! О законных, официальных путях борьбы за план Богданов не поминал.

Почему? Мне представляется, причина столь бьющего в глаза самоуверенного пренебрежения законом кроется в том, что есть, как говорят в обиходе хозяйственники, закон «большой», а есть и «малый»: разного рода многочисленные инструкции и положения; преступишь этот последний, «малый» — кто приметит? А приметит — бить в колокола тоже не станет: замучается бесконечной канцелярской тяжбой по мелочам...

В Положении о производственном объединении (комбинате) в статье 97-й сказано: «Производственное объединение (комбинат) может приобретать без фондов у других предприятий и организаций продукцию, реализуемую без нарядов, излишние материальные ценности, а также закупать необходимые предметы материально-технического обеспечения в порядке оптовой и розничной торговли в соответствии с действующим законодательством».

Организация «Союзмедь» в лице Гевы на вполне законном основании обратилась к тамбовскому колхозу с официальной просьбой продать ей, «Союзмеди», безнарядную продукцию, естественно, не за наличные — по перечислению. Но обратилась не законным порядком, а таким образом, что деловое письмо попало в частные руки Курепкина. Допустим, спешил Гева, просил поскорее донести вопль о помощи до тамбовского председателя Сапелкина. Допустим, Гева будто бы не мог уразуметь, кто перед ним: живой делец со своими интересами и затеями или альтруист, снедаемый честолюбивым желанием помочь бедствующему объединению. Но каким бы ни виделся Геве Курепкин, а казенное письмо вручать в частные руки — практика порочная с точки зрения государственной. Истина столь очевидная, что должностные инструкции не оговаривают ее особым пунктом. Увы, как показывает жизнь, даже прописные истины помнят еще, к сожалению, не все.

Мал золотник, говорят, да дорог. Для Гевы нарушение «малого» закона сулило немалые служебные удобства и прибыли в виде премии и сопутствующего почета. Дело было сделано: дал он Курепкину письмо, запустив безнаказанно колесо курепкинской фортуны.

Получив заказ, Курепкин приехал в означенный выше тамбовский колхоз «Ударник» и сказал его молодому председателю Сапелкину П. П. примерно следующее: «Уважаемый товарищ! Вы слышите, как зовут на помощь гиганты нашей индустрии? Есть у вас совесть? Если есть, давайте поможем. Я создам бригаду модельщиков». Сапелкин П. П. был человек практический, и собеседники облекли свою беседу в деловую бумагу, в договор, из которого следовало, что администрация в лице Курепкина принимает

заказ на изготовление деревянных моделей и макетов, а администрация колхоза в лице Сапелкина оформляет на работу необходимое количество модельщиков и предоставляет помещение и оборудование. И так далее — целый ряд пунктов, в том числе один из них — о зарплате. Согласно этому пункту, колхоз обязывался выплачивать бригаде 35 процентов отпускной стоимости продукции.

Основан курепкинско-сапелкинский договор был на пункте 17-м Примерного Устава колхоза: «В целях более полного и равномерного использования трудовых ресурсов и местных источников сырья, повышения доходности общественного хозяйства колхоз создает и развивает, не в ущерб сельскохозяйственному производству, подсобные предприятия, а также различные промыслы; может вступать в договорные отношения с промышленными предприятиями и торгующими организациями по созданию в колхозе филиалов (цехов) для производства различных изделий и товаров силами колхозников в периоды, свободные от сельскохозяйственных работ».

Работники «Союзмеди», понятно, не собирались создавать в тамбовском колхозе филиалы цехов. Что касается «более полного и равномерного использования трудовых ресурсов» колхоза, то тут председатель Сапелкин, напрочь позабыв про Устав, пошел на поводу у гигантов индустрии и зачислил в колхоз группу модельщиков-шабашников.

Сапелкин и далее продолжал оставаться под гипнотическим воздействием слов «в связи с производственной необходимостью», тем более что бригаде — 35 процентов, а колхозу — все прочие от ста! Заманчиво? В деньгах это сотни тысяч в год — и всего-то за один отклик на письмо о «производственной необходимости», ну, и, конечно же, на «прошу Вас оказать помощь...». Кто отмахнется от столь денежно соблазнительной идеи, помня, что не себе ведь, а колхозу, не Курепкину, а заводу помогаешь?

Сапелкин показал Курепкину верстак в старом сарае, где бригада будет спасать гигантов индустрии. «Нужен ремонт, ветер гуляет, как бы в больницу не сыграть с радикулитом или еще с чем,— сказал Курепкин и, не дав открыть председателю рта, предложил: — Зачем вам, уважаемый, морока с ремонтом и вообще зачем вам отрывать модельщиков от московских кресел и прочая? Лучше пусть они живут и работают в Москве, а считаются тамбовскими колхозниками. Опять же — семьи, дети без пригляду отцов. Сами понимаете, какой тогда из них народ получается...»

Довод был весомый. Сапелкин согласился. И слух об отзывчивости председателя колхоза «Ударник» стал распространяться по городам и весям. Сыпались заказы из Иркутска — от завода дорожных машин, из Смоленска — от опытно-экспериментального завода дорожного оборудования имени М. И. Калинина, технолог которого Краснояров Н. Н. приехал в Москву к матери Курепкина и просил ее повлиять на сына в смысле приема заказа, оставил у нее чертежи деталей и пяток отливок, объяснив попутно, какие надо сделать модели для литья. «Не позабудете? — спрашивал.— Для литья машинами. Не вручную».

Позволю себе нечто вроде лирического отступления. Что за напасти обрушиваются на иных должностных лиц, как только начинает подпирать «производственная нужда»? Начисто отшибает память о законах и правилах ведения служебных дел, сознание сужается до сознания белки в колесе, бегущей по принципу «абы бежать». Как видим, и Гева из «Союзмеди», и председатель колхоза Сапелкин, разумеется, не считают себя в чем-либо виновными по очень простой причине: вверенные им учреждения не пострадали, хотя взаимные операции произведены и противозаконно. Погоня за производственным гешефтом бросила на скамью подсудимых Курепкина — частное лицо,— который, будь руководители построже с собой и законом, не совершил бы преступления.

Существует понятие «социальная безопасность», которую Советское государство гарантирует своим гражданам. Можно ее именовать и экологической средой нашего гражданского существования. Ответственность за поддержание этой самой социальной безопасности граждан лежит на должностных лицах, которые в нашем случае спокойно нарушили свои инструкции: они ведь «маленькие», а хозяйственная нужда ой как велика — вот что было их убеждением.

А тамбовского колхозника Курепкина в это время действительно трудно было застать дома. Он горел, действовал, ходил по учрежденческим коридорам, едва успевая считать: начальник жэка... главный врач санэпидстанции... пожарный надзор... Мосгаз... Вооруженный письмами Сапелкина, он быстренько оформил разрешение на аренду подвала в Москве по улице Нагатинской во всех названных учреждениях Пролетарского района.

И вот цех открылся — незаконный цех колхоза «Ударник» по выделке литейных моделей.

Благородный порыв модельщиков спасти «в связи с производственной необходимостью» завод «Серп и молот» вкупе с другими гигантами индустрии означал для них работу вечерами и в выходные дни. И они искренне пилили, рубили, строгали, за месяц выстругивая каждый в среднем по 260 рублей. Как бригадир и правая рука председателя, Курепкин регулярно выставлял в табеле по 8 рабочих часов, а в каждом месяце — по 29 рабочих дней.

Итак, должностные лица, нарушив уставы, законоположения и должностные инструкции, создали условия для группового преступления. Не будь этого, разве возникло бы уголовное дело в отношении Курепкина? Разве стало бы возможным само преступление, вовлекшее в свой водоворот десятки людей — модельщиков, технологов, всех, кто подписывал акты, разрешения, письма-прошения, гарантийные письма, рекомендовал, молил о помощи? Конечно же, забавно думать, будто Курепкин соблазнил должностных лиц в Москве и в Тамбовской области, лишив их здравого смысла и овладев их сердцем, хотя, сказать по правде, было в нем нечто демоническое — ибо вскоре он тайком от Сапелкина вошел в контакт с директором Сокольниковского лесничества (соседом колхоза «Ударник») тов. Вольных В. Н. и сделался по одному росчерку пера еще и модельщиком 6-го разряда в лесничестве с правом выполнять свои обязанности все в том же подвале на улице Нагатинской. Что касается остальных модельщиков из Москвы, их приютил Вольных в лесничестве сезонными рабочими, то есть за глаза снабдил всю компанию третьей зарплатой.

А что гиганты индустрии? Входя в нормальное русло, обеспеченные моделями, они помнили о своем благодетеле Курепкине. С радостью вторил главному инженеру Богданову директор Московского медеплавильного и медеэлектролитного завода Смирнов: «Имеется возможность оказания помощи изготовлении деревянной модельной оснастки текущем году тчк связи с этим сроком 28 марта представьте отдел главмеханика Союзмеди потребность...»

Проведали о ретивых помощниках по своим, понятным только посвященному каналам информации должностные лица из самых разных ведомств. И посыпались письма со сдержанными просьбами, ссылками на техническую необходимость, будто она способна покрыть собственное головотяпство, нежелание решать назревшие проблемы установленным порядком. Но кружным способом — легче. Вероятнее выигрыш премий и всего остального. И вскоре валом повалили письма, начинавшиеся уже словами: «Директору производственных мастерских при с/х артели «Ударник» т. Курепкину. Город Москва, Нагатинская ул., д. 27»...

В общей сложности до 30 человек оказались вовлеченными в преступную деятельность, прямо или косвенно связанную с сапелкинско-курепкинской модельной артелью.

А потом настало время подводить итоги.

Прокурор Моршанского района Тамбовской области начал с того, что сформулировал факт: «Колхоз «Ударник» за период с июня 1979 года по март 1980 года производил расчеты за якобы изготовляемые деревянные модели. Фактически колхоз никаких моделей не изготовлял. За указанный период в колхоз поступило 116,8 тысячи рублей, а выдано из кассы денег 36,1 тысячи рублей».

Что же произошло? Как понимать случившееся?

Помните безликий оборот из признания на суде главного инженера Богданова В. И.: «в связи с перегрузкой модельной»? Так вот, а почему же тот или иной завод не выполняет законный государственный план, почему у него вдруг оказалась перегруженной модельная? Допускаем такое положение: «Серп и молот» не справляется с заказами по техническим причинам, он зовет на помощь в качестве совместителей рассеянных по Москве модельщиков... Допускаем, они не загораются, отвечают: «Мало платите»,—и тогда партнеры завода-поставщика обращаются за помощью не к Курепкину — ставят вопрос в вышестоящих инстанциях, как принято по закону. Но это — если по закону. А в нашем случае внешне безобидная практика изготовления литейных моделей где придется, с кем придется, пусть и создавая ажиотаж, уберегала от другой, более неприятной обязанности: обращаться «наверх», беспокоить начальство — уж лучше выкрутиться самому!

Эта психология, как ржа, разъедающая хозяйственные связи, не может быть названа иначе как преступной. Вряд ли она могла бы стать противоправной, если бы те, кто шел к премиям, к почету и уважению на службе, своевременно оценивали ситуацию, помня, что кратчайший путь далеко не синоним законного.

В идеале должностные лица не могут не знать своих прав и обязанностей, и незнание их ни с кого не снимает ответственности. Но то, как говорится, в идеале! А на практике лесничий Кашаев из Сокольниковского лесничества, одобривший идею Курепкина, показал: «Мне понравилась идея Курепкина, но я просил обратиться к директору лесокомбината Вольных. Договорились: привезет рекомендательные письма, проекты договоров, калькуляции — и начнем работать». Кашаев давал Курепкину древесину, помогал с ее транспортировкой в Москву, разумеется, с ведома директора Вольных, в беседе со следователем заявившего: «Я подписывал приказы, но готовил их главный инженер». Последний кивнул на начальника производственно-технического отдела, тот — на рядового инженера Серикова, а тот сослался на свою неопытность, мол, я молодой специалист... Смешно? Но моршанский прокурор, видно, счел объяснения приемлемыми и оставил названных граждан в покое. Однако принцип «Иван кивает на Петра» вслед за тамбовскими помощниками вывел из поля зрения следствия и их московских коллег, взывавших о помощи.

Нас могут и должны интересовать два вопроса. Первый: если у государства незаконно получены 36,1 тысячи руб., то каким образом их вернуть обратно? И второй — почему должностные лица, нарушившие ряд статей УК РСФСР, положений и инструкций, даже не допрошены следствием, а московский суд, сколь ни пытался, не сумел вызвать на свое заседание ни Сапелкина, ни Вольных даже в качестве свидетелей? А остальные «помощники» в преступных деяниях? От главного врача санэпидстанции, согласного на аренду колхозом подвала на Нагатинской улице без установленного договора о найме, до главного механика «Союзмеди»? Очевидно, творческая мысль следствия и суда замкнулась на доверительном суждении: себе-то они денег не брали... Звали письменно, поощряли, создавали условия — и все.

Скажете: к чему весь шум вокруг их имен?! Лично ими ущерб нанесен государству «только моральный». Но почему-то никто не заметил, что ущерб моральный обернулся материальным. Может быть, Гева из «Союзмеди» заметил? Нет, ему думать некогда: у него высоких забот прибавилось, он по должности вырос. Понимает ли он, что однажды создал так называемую экологическую среду для преступления? Помнит ли и Сапелкин, ныне уже директор птицефабрики там же, на Тамбовщине, что на должностном лице лежит, помимо правовой, еще и социальная ответственность за содеянное, а вслед за ней и нравственная, не говоря уж о должностной?

И последний вопрос: кто напомнил вышеназванным гражданам хотя бы об одной ответственности из названных? В чем тут все-таки дело: в правовой некомпетентности иных должностных лиц или в отдельных законах, настолько отягощенных «дополнениями», «уточнениями», «пояснениями» и прочим, что они уже практически утратили силу законов? Не эта ли последняя причина сделала виновником случившегося одного лишь Курепкина, оставив в стороне, вопреки всякой логике, остальных?

Представьте: у человека, попавшего в аварию, на месте оторванных пальцев после лечения отрастают новые; начинает расти живая нога взамен потерянной, формируется стопа, пятка, и бывший больной прощается с костылями...

— Разве такое возможно!

— Возможно! — воскликнул молодой сельский врач, а ныне известный всему миру профессор Гавриил Абрамович Илизаров. Шел 1951 год.

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

Профессор Г. ИЛИЗАРОВ, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, делегат XXVII съезда КПСС

интервью «огонька»

— Гавриил Абрамович, в многотомной книге почетных гостей Курганского НИИ экспериментальной и клинической ортопедии и травматологии, который вы возглавляете, часто мелькает слово «чудо». Именно так назвали ваши работы на недавней международной выставке «ЭКСПО-85» в Японии. Но, говорят, что вы-то сами не очень жалуете это слово применительно к своему изобретению.

— В науке чудес, как известно, не бывает. Это не клуб иллюзионистов. Хотя и в таком клубе создается лишь видимость чуда, а фейерверку фокусов предшествует кропотливый творческий поиск. Мой поиск начался с сомнения, что кость, как ткань, обладает пониженной способностью к регенерации и малопластична. А именно так испокон веков хирурги смотрели на кость, когда случался перелом.

В одних случаях пострадавшего укладывали в постель, к ноге подвешивали грузы. Больной приковывался к постели на длительное время — до 2 и более месяцев. В других — заковывали в гипсовые доспехи. Часто делались операции, отломки кости скрепляли гвоздями, пластинками, шурупами, проволокой, снова сочетая все это с гипсовой повязкой. При таких традиционных методах костеобразование шло крайне медленно, отломки зачастую не срастались, образовывался так называемый ложный сустав, и костыли на годы становились спутниками больного.

При моем же методе кости срастаются в несколько раз быстрее. Причем больной может свободно двигаться, даже вставать, как правило, на второй день после операции. Хотя и операцией это не назовешь — все обходится без скальпеля, крови, швов — одни точечные проколы от наложения аппарата.

— Помните свои ощущения после самой первой операции?

— Не только ощущения, даже фамилию и точный адрес больной помню: Крашакова из села Макушина, улица Демьяна Бедного, девять. Шестнадцать лет бедняга не расставалась с костылями. А тут нога срослась, и быстро. Выписалась из больницы на двадцать вторые сутки. После выписки в письме сообщила, что на станции ее никто не встретил и ей пришлось топать до дома десять километров! Нога — будто новая. Только по утрам спросонья по старой привычке иногда ищет костыли.

— Как вы пришли к идее удлинения кости?

Ряд наблюдений убедил меня в том, что кость очень пластична, обладает высокой способностью к регенерации. Начиная с 50-х годов я начал удлинять конечности, придавать им нужную и желаемую для больных форму.

— На сколько можно удлинить кость?

— На столько, на сколько требуется. Приходилось удлинять на 52 сантиметра. Но это не предел. Уже выращиваем пальцы и другие недостающие части конечностей. И организм живо реагирует на наши добрые намерения — при этом наряду с новой костью вырастают кровеносные сосуды, мышцы, нервы и другие ткани. И в этом нет ничего неестественного, а, напротив, мы используем существующие в живой природе закономерности развития и роста тканей.

Гавриил Абрамович не соотносит слово «чудо» со своей работой, но путь его в медицине начался именно с веры в чудо. В девять лет он тяжело заболел — пищевое отравление. Помнит, как не находила себе места перепуганная мать, беспомощно развел руки отец. Но вдруг распахнулась дверь, и на пороге оказался незнакомый человек в белом халате. Он подошел к малышу и, внимательно осмотрев его, сделал укол. Сразу утихла нестерпимая боль. И вскоре мальчик стал поправляться.

Вот тогда-то он решил непременно стать врачом. Желание было столь велико, что, догнав и перегнав в учебе своих сверстников, десятилетку окончил за пять лет, затем рабфак, и, наконец, исполнение мечты... Симферопольский мединститут.

Так спешил к своему «чуду» будущий открыватель совершенно нового закона в мировой медицине. После распределения послали его в село Долговку Курганской области. Став «земским» доктором, чего только не перепробовал молодой врач: делал пластические операции, принимал роды, лечил зубы. И там же, в Долговке, в покосившемся сарае, который шутливо называл «лабораторией», открыл свой новый метод...

— Гавриил Абрамович, уже тогда, в начале 50-х годов, были сотни вылеченных вами больных с положительными отдаленными результатами лечения, но авторское свидетельство на свое изобретение вы получили намного позднее. Не кажется ли вам этот срок большим?

— Слишком. Дело в том, что медицина по своей сути консервативна. Это неудивительно, так как основной ее принцип: «Не повреди!» Но, к сожалению, это приводит зачастую к тому, что при наличии убедительных свидетельств, подтверждающих полезность и целесообразность нового, начинают испытывать на прочность не столько изобретение, сколько самого изобретателя. Но факты — несговорчивая штука. И я продолжал копить их, словно скупой рыцарь, складывая в свою копилку.

— Представляю, как трудно пришлось вам тогда...

— Да. Мне оставалось лишь ждать, доказывая свою правоту достаточно убедительными и упрямыми фактами. Я выстоял. А сколько еще изобретателей и сегодня топчутся у этой стены косности, подпираемой авторитетами, наделенными властью.

Но в то время меня поддерживали смелые выступления прессы. И в частности публикации «Огонька». Спасибо вашему журналу. И что поражает: журналисты, люди, далекие от медицины, смогли тогда увидеть перспективность открытия, а специалисты-профессора, имеющие административные прерогативы, заняли далеко не объективную позицию. Например, уважаемая «Медицинская газета», которая должна раньше других замечать новое в медицине, можно сказать, помалкивала.

Особенно удивляли меня подножки тех, кто по должностной лестнице стоял выше меня, использовавших свое служебное положение в далеко не благовидных целях. И сегодня, к сожалению, нередки случаи, когда судьба важного изобретения зависит от прихоти и настроения того или иного косного руководителя. Каждому понятно, что такие люди в интересах дела должны нести строгую ответственность вплоть до снятия с работы. Впрочем, с одним из таких деятелей именно это и произошло — справедливость восторжествовала. Но не слишком ли поздно? Ведь это стоило того, что многие тысячи людей не могли вернуть себе здоровье и быть в общем трудовом строю.

...Перед беседой с профессором Илизаровым в отделениях института я листал истории болезней.

«Больной П.— 5 лет. Диагноз: врожденное отсутствие правой стопы. Наложен аппарат Илизарова. В настоящее время производится формирование стопы».

«Больной П.— 4 года. Диагноз: врожденный псевдоартроз костей правой голени. Укорочение конечности — 10 см. Ранее многократно безуспешно оперирован. В клинике Илизарова ликвидирован ложный сустав. Удлинена конечность. Утолщена большеберцовая кость».

«Больной К.— 7 лет. Диагноз: врожденное укорочение правой нижней конечности на 7 см. Ранее оперирован 6 раз в других больницах. Амбулаторно осуществлен закрытый дистракционный остеосинтез. Голень удлинена на 7 см».

И подумать только, что этот метод лечения, дающий такие результаты, много лет не признавался, не внедрялся!..

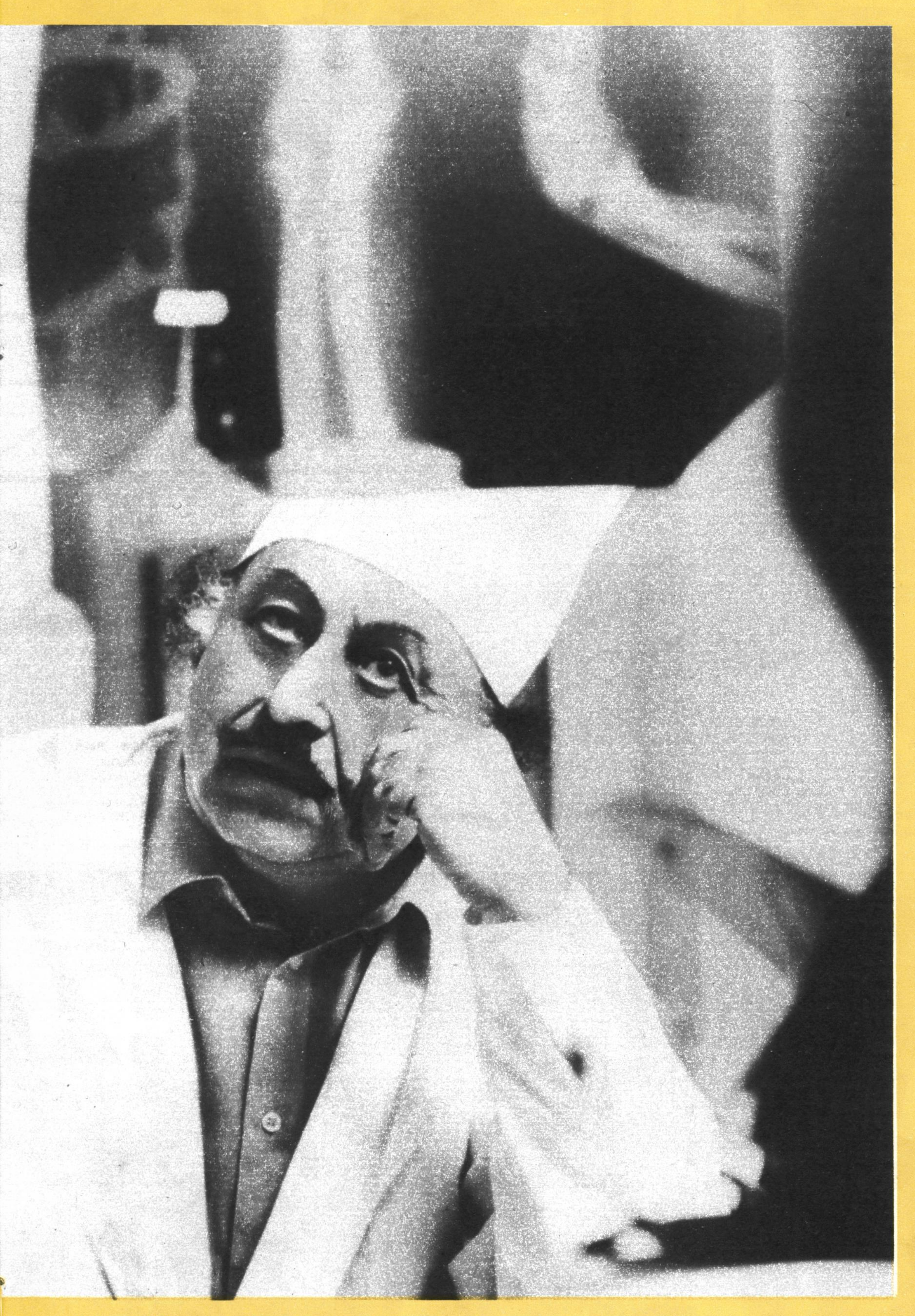
— Что, вы считаете, нужно сделать, чтобы новое открытие или изобретение быстрее входило в жизнь, в практику?

— Если говорить о тернистом пути изобретателя, то считаю, что этот путь нужно сократить. И чем скорее, тем лучше. Ведь сейчас внедрение любого изобретения в нашей области идет через многие инстанции. А это годы не всегда обоснованной переписки, годы ожидания. Новое и полезное решение, на которое получено авторское свидетельство, должно пройти еще инстанцию — комиссию при главном управлении по новой технике Министерства здравоохранения СССР, которая должна дать санкцию, разрешающую внедрение. Было бы целесообразным объединить функции этих учреждений при выдаче авторских свидетельств. Это позволило бы в первую оче-

редь рассматривать наиболее значимые, важные предложения и оперативно представлять свои решения в Минздрав СССР для внедрения. Должны быть расширены полномочия Минздрава в плане технической реализации изобретений с участием различных ведомств. Тем самым автор освободился бы от излишних хлопот, связанных с внедрением изобретения, и занимался бы чисто творческим делом.

Подчеркиваю, в первую очередь внедрять нужно изобретения, не имеющие аналогов в мировой практике,— они должны быть универсальными и эффективными. Этот важный принцип, на мой взгляд, сосредоточил бы внимание на решении наиболее важных задач и отбил бы желание заниматься малозначимыми изобретениями и рационализацией. Такой подход разгрузил бы экспертов патентного института, которым приходится заниматься этими неценными предложениями. Ведь это не позволило бы изобретать велосипед второй раз. В подтверждение этому приведу пример.

Недавно посетил одну международную выставку в Пловдиве и вдруг вижу за стеклом свой аппарат. Читаю табличку: черным по белому написано: «Изобретатель — В. Морозов». Получается, что аппарат не мой, не я тридцать пять лет назад изобрел его. Вглядываюсь повнимательнее в родной аппарат, а там пружинка какая-то приделана. При чем же тут некий В. Морозов с авторским свидетельством, дающим право называться изобретателем? Пружинка — незначительное рацпредложение, такие наш институт и не считает в процессе работы. Если положить эту пружинку отдельно от аппарата, разве явилась бы она изобретением? Скорее всего эта лишняя деталька в аппарате и должна использоваться по своему прямому назначению.

Гавриил Абрамович Илизаров.

— Что нового в последнее время появилось в ваших исследованиях? Какого «чуда» ждать нам?

— Открытая нами общебиологическая закономерность на генез и рост тканей раскрывает перед медициной огромные возможности в лечении больных. Мы можем управлять ростом человека. Обратился к нам как-то пациент, который в 20 лет имел рост 2 метра 18 сантиметров и продолжал расти по 8 сантиметров в год. Мы остановили рост, восстановили пропорции тела. Рост стал 190 сантиметров. При этом мы не прибегали к удалению части костей.

Мы располагаем методиками выращивания сосудов, и в тех случаях, когда при плохом кровоснабжении встает вопрос об ампутации конечности, мы можем ее сохранить и сделать полноценной.

Уже сегодня открывается возможность восстанавливать опорно-двигательную функцию конечностей и тазовых органов при свежих повреждениях спинного мозга. Но хочу подчеркнуть, что это делается пока в экспериментах на собаках.

Открытый нами закон и разработанные методики позволяют по нашему усмотрению изменять форму позвоночника (исправлять горбы), удлинять один или несколько позвонков одновременно.

...Листаю скупые строки истории болезни. У больного В. восемь лет болели ноги. На восьмом году с трудом проходил несколько сотен метров в день. Врачи приговорили к ампутации ног. После лечения по методу Илизарова больной выздоровел, работает по прежней специальности. В день может пройти на лыжах до 20 километров.

Больные Ш. и С.— токарь и слесарь. Тот же приговор врачей, и тот же счастливый исход после наложения аппарата. Оба забыли про боль в ногах, но не забыли автора нового метода лечения уже теперь сосудистых заболеваний — профессора Илизарова.

— А какие возможности дает ваш метод для амбулаторной практики?

— Наши методики имеют большое значение в амбулаторном лечении, ибо они щадящи и большей частью бескровны.

Тех больных, которых в других больницах лечат стационарно, мы, используя нашу методику, оздоравливаем амбулаторно.

Это позволяет отказаться от длительного стационарного лечения и дает большой экономический эффект. От каждой тысячи амбулаторно вылеченных больных мы получили экономию средств, позволяющих содержать в течение года стационар на пятьсот коек.

...В институте рассказали мне такой случай. Больному А. Богачеву из Курганской области наложили аппарат Илизарова. Но в его Шадринском районе шла уборочная страда, а больной томился в стенах клиники. Не выдержав однажды, он подошел к Гавриилу Абрамовичу с просьбой: «Позвольте домой съездить на недельку. Там у меня персональный комбайн стоит. Взгляну на него и мигом вернусь».

Больной вернулся через две недели. Загорелый, отдохнувший. И по возвращении выложил на стол районную газету, в которой говорилось о том, что он, механизатор А. Богачев, на своем персональном комбайне занял пятое место в битве за урожай. Может такой больной лечиться амбулаторно? Конечно, может. Такую возможность дает аппарат Илизарова...

* * *

...Трудно сдержать свою радость при виде уже излеченных больных, покидающих институт Илизарова в Кургане. Как измерить мужество врачей, их мысль и труд, приносимую ими пользу? Попытаюсь это сделать при помощи одной цифры — 530 тысяч. Это количество больных, исцеленных сегодня методом Илизарова в стране. Пятьсот тридцать тысяч людей, возвращенных к жизни.

Беседу вел Михаил КОРЧАГИН.

А костыли больше не понадобятся...

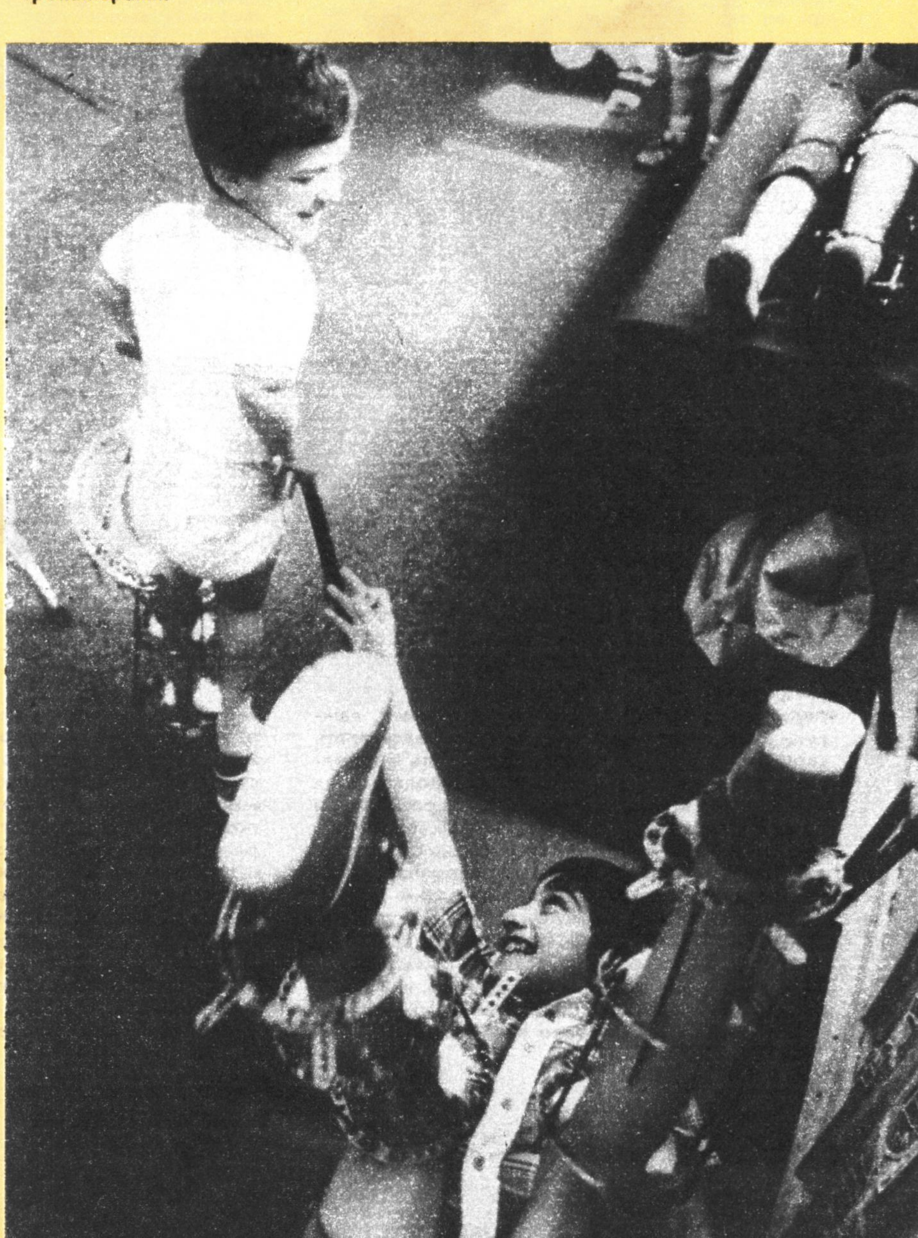
Фото В. ВЯТКИНА

Пройдет время, и эти двое выйдут из института исцеленными.

Аппарат Илизарова не только лечит, но и позволяет устраивать среди пациентов конкурсы художественной самодеятельности.

Многие из помещений клиники оборудованы необходимыми для лечения тренажерами.

YACHTING

У стен Смоленского кремля.

«СЕМЬ КРАСАВИЦ» В

Гавот Люлли танцует Алла Кузнецова, студентка смоленского филиала МЭИ.

Выступает детский фольклорный ансамбль «Ленок».

Сцена из балета «Семь красавиц» Кара Караева.

ДРЕВНЕМ ГОРОДЕ

Фото
А. НАГРАЛЬЯНА

Сцену из балета «Эсмеральда» Пуни исполняют инженер Н. Посредникова и студент Н. Новиков.

Смоленский народный театр балета при Доме работников народного просвещения, которым с самого первого дня руководит Ирина Константиновна Джаврова, объединил людей разных профессий. В репертуаре театра балетная классика и произведения современных авторов. «Шопениана» и гран-па из «Пахиты», фрагменты «Жизели» и «Эсмеральды», «Кармен-сюиты» и балета «Пламя Парижа». Театр часто выступает, и не только в Смоленске, многие его воспитанники стали профессиональными артистами.

Кто знает, может быть, вот так же, как из маленькой студии при мединституте, родился известный теперь всему городу народный театр, со временем этот коллектив явится основой для смоленского профессионального театра балета!.. Со своей постоянной сценой, репетиционными залами и многим другим, о чем пока приходится только мечтать. Что ж, мечтам нередко суждено сбываться...

Перед выходом на сцену. Врач-педиатр Е. Максименкова.

Анатолий ТУЧИН

Моя родословная

●

Равнины, равнины, равнины,
леса, перелески, поля,
ракиты, березы, осины —
родная до боли земля.

Курганы, надгробья, могилы,
кресты, обелиски, огни
и ягод созревших рубины —
все близко, куда ни взгляни.

Туманы, дожди, снегопады,
метели, поземка и мгла —
как будто зима для парада
их разом сюда собрала.

Окопы, траншеи, воронки —
давно в них растет бузина.
Не ярки твои и не громки
просторы, моя сторона.

Здесь корни моей родословной,
попробуй-ка их расшатай!
Хранит их Непрядва, что кровно
корнями уходит в мой край.

И где-то на крик перевоза
к реке распахнется душа,
и брызнут непрошенно слезы.
И буду стоять не дыша.

●

В междуречье Дона и Волги,
у верховий Днепра и Оки
ночи зимние тяжки и долги
и, как омут, снега глубоки.

И бегут под сугробами пожни
до Карпат и на Дальний Восток,
их заботы просты и тревожны:
мир бы детям да хлеба кусок.

РОСЫ

Я встаю на заре,
так же рано,
как предки вставали,
выливаю на плечи
ушат родниковой воды.
Чтобы запах России
хранили зимой сеновалы,
оставляю у речки
широких прокосов следы.

Утомлюсь
и поглажу рукой
запотевшую косу,
ту, что деды ковали
на жарком,
упругом огне,
оселком поиграю —
и снова тяжелые росы
будоражат прохладой
забытые песни во мне.

Друг, товарищ мой, брат,
пахнет росами щедрая сила,
и в характере вольном
таится покоса размах.
Не затем же меня
мать с надеждой
под сердцем носила,
чтобы я от безделья
забытым бурьяном зачах.

СЕВЕРЯНАМ

В который раз
в притихший зал
смотрю я жадными глазами.
Страшусь: о том ли вам сказал,
что вас тревожит, северяне?

В скрещенье взглядов,
как огней,
я стану тверже и упрямей
и словно тяжкий гнет камней
я с сердца сброшу, северяне.

И все,
что до сих пор хранил,
все то,
о чем мечтал ночами,
чем сокровенно годы жил,
я вам доверю, северяне.

РЕМОНТ МОСТА

Я под мостом завис,
как акробат.
Мне труден вдох,
а выдох
тоже
сжат.
Сквозь гул машин,
повторенный стократ,
во мне гудит
людских забот набат.

Гремит металл,
скрежещет старый мост,
он в берега вцепился,
в землю врос,
он трудится с натугой,
на износ,
он и меня
на самый верх вознес.

Вопрос обычен,
выверен и прост:
чтоб меж людьми
был прочен добрый мост,
чтоб от порога
и до самых звезд
он здесь стоял
во весь свой
звездный рост.

ГОРОД НА КАМЕ

Вот бегут камазята:
первый «А», первый «С»,
в ритме дел автограда
дети — главный прогресс.

Заводские громады,
автодромы, дворы,
и, как следствие, рядом
города детворы.

Чтобы в залах,
в бассейнах,
в детсадах
и яслях
Александры,
Хусейны
раздавались в плечах.

Чтоб, исполнившись силы,
доброты, красоты,
жизнь они возносили
выше нашей мечты.

ДЕРЕВНЯ

Три часа по реке
я плыву одиноко,
где, как мамонты,
кряжи мореных дубов,
и опять
слепотой заколоченных окон
мне открылась деревня
с десяток дворов.

И нигде ни ворот,
ни оград не осталось,
ветер крыши сорвал
с обветшалых домов,
ни грачей,
ни ворон,
запустенье и старость,
ни туристских дорог,
ни рыбацких костров.

А над самой водой
ржавый трос от парома
цепкой хваткою держит
реки берега,
чтоб они не ушли,
словно люди от дома,
по заманчивой жизни
за счастьем в бега.

●

Города стоят на черноземе,
но теперь той пашни не поднять,
не лежать с друзьями на соломе
и степные зори не встречать.

Вспорото земли живое тело,
смяты водоносные пласты,
лишь порой глядит осиротело
на проспекты солнце с высоты.

И тогда мне чудится,
что в зное
за окном
купаются хлеба,
а в низине дремлет на покое
чья-то одинокая изба.

Но опять меня из полудремы
мысль выводит в непогожий день:
города стоят
на черноземе,
на полях забытых деревень.

КУРАЙ *

Я забываю запахи полыни
и все хочу
в родной приехать край,
где под широкой
неоглядной синью
я собирал в степи сухой курай.
Чтобы потом,
холодными ночами,
он в печке
словно порох прогудел
и чтоб огнем,
мелькнув перед глазами,
утешил вдруг,
а может, и согрел.
Мне тот огонь бывал
всего дороже,
казалось — миг! —
и будет каравай,
и я не знал,
что скоро по дороге
я покачусь,
как сорванный курай,
что, семена роняя под колеса,
летит по ветру
всех ветров быстрей,
и мечется,
и падает к откосу
в преддверии туманов и дождей.
Полыни запах,
запахи покоса
я вспоминаю
каждый раз теплей.

* Курай — перекати-поле.

●

Я — русский.
Я лесом и степью пропах.
Снега и морозы меня закалили.
В крови моей ветра
и неба размах,
в душе моей сказки,
легенды
и были.

Я — русский.
Я помню об этом всегда.
Мне память об этом
всех прочих дороже.
Она мне — как воздух,
она — как вода,
она — как судья,
нет которого строже.

Я — русский.
Я русским народом горжусь,
сознанием силы
и трезвостью взгляда,
земля моя,
Родина с именем Русь,
ты вся мне — забота одна
и награда.

Россия.
Мне дорог здесь каждый ухаб,
мне близок здесь каждый
забытый проселок,
я полнюсь тоскою
вдовеющих баб
в глубинных твоих
и редеющих селах.

Россия,
печаль твоей песни степной
мне ближе надрыва
любой дискотеки,
лишь только бы с песней
остались со мной
твои перелески,
озера
и реки.

Я — русский
и слышу,
как в русский язык
вползают с вещизмом
слова-интервенты.
И вот уж эстрадный летит
цветокрик,
визгливый,
как эта магнитная лента.

Я — русский.
Друзей и соседей ценю —
с друзьями и утро,
и вечер чудесней,—
и счастлив я буду,
когда прозвеню
для них своей лучшею
русскою песней.

Юлиан СЕМЕНОВ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

МЮЛЛЕР, АРГЕНТИНА, МАРТ, 1946

Он оглядел собравшихся ветеранов НСДАП, улыбнулся им своей неожиданной, доброй улыбкой, чуть шмыгнул носом и сказал:

— Ну, вот мы наконец и собрались все вместе, дорогие мои друзья. И я счастлив этому, неизбывно счастлив — только старый баварский крестьянин так радуется первым весенним ручейкам в горах, предвестникам плодородия и празднику будущего урожая. Поэтому я открываю наше совещание, испытывая уверенность в том, что пройдет оно конструктивно и по-деловому. Я дам общий обзор положения в мире, каким он видится мне, моим друзьям и нашим старшим товарищам, и остановлюсь на некоторых аспектах ситуации в Аргентине. А потом свои соображения выскажете вы. Есть возражения? Возражений нет. Прекрасно. Итак, по первому параграфу. Думаю, всем ясно, что мир вступил в эру глобального противостояния Кремля и Белого дома; с той поры, как Британская империя благодаря лейбористам стала Содружеством наций, Лондон как объект мировой политики будет играть подчиненное значение, европейская эпоха истории человечества на какое-то время прекратила существование, на арену всемирной схватки выходят новые силы, Китай в первую очередь, затем Латинская Америка, страны Ближнего и Среднего Востока, то есть нефть как кровь войны.

Мао Цзэдун является, конечно же, личностью вполне устремленной, хотя и не лишенной известной парадоксальности; победа над Японией, крах Квантуна — все это разрушило миф о величии Острова, на смену этому мифу пришел призыв к борьбе за окончательное освобождение от «своих угнетателей». Несмотря на ту помощь, которую Белый дом оказывает генералиссимусу Чан Кайши, я не думаю, что он удержится, ибо у него нет национальной концепции, он хочет сохранить статус-кво, а это на данном этапе невозможно.

В какой мере Москве выгодна победа Мао Цзэдуна? С точки зрения пропагандистской выгодна по всем позициям. С точки зрения экономической — не думаю, поскольку Кремлю придется помогать,— Мюллер смешливо дернул носом,— товарищам по классу, иначе они поступить не смогут, но это будет означать удар по русским, это затормозит все их восстановительные работы, а им надо восстановить территорию большую, чем Германия и Франция, вместе взятые.

Каков вывод? Об этом — в конце, суммируя общий итог.

Латинская Америка — мы это видим, как никто другой, потому что смотрим глазами новых людей, кроме, конечно, тех,— Мюллер улыбнулся Людвигу Фрёйде, сидевшему возле камина,— кто прожил здесь большую часть жизни,— являет собою кипящий котел с крепко закупоренной крышкой. Однако, как ее ни закручивай, результат будет один — пар найдет выход, пути к этому только два: пар можно спустить, но можно довести ситуацию до взрыва. Вопрос, на который мы должны дать ответ, очевиден: что выгодно нам, нашему братству? Взрыв? Или выпускание пара?

Во-первых, престиж, завоеванный русскими во время минувшего сражения, не мог не отразиться на здешних коммунистах. Хотели мы того или нет, хотя,— Мюллер усмехнулся,— мы этого, конечно, не хотели, русские подтвердили правоту своей идеи делом. Все левые силы здесь потребовали прав, и власть не могла им их не дать; мы далеко, британцы, традиционно сильные в здешних банках и на железных дорогах, были, как и янки, связаны по рукам и ногам союзом с Кремлем: не могли же они помогать врагу?!

Во-вторых, попытки Перона и боливийцев обуздать левых были преподаны американской прессой как путчи, организованные нашей секретной службой. Увы, должен вас огорчить: хотя наше влияние на лидеров путчей было весьма значимым, они не коллаборировали с нами в той степени, в какой нам бы этого хотелось. Таким образом, вместо того, чтобы поддержать Перона и подобных ему, люди Рузвельта оттолкнули их ногою; Трумэн пытается наладить добрые отношения; поглядим; думаю, без нашей помощи ему не обойтись.

В-третьих, если левые не будут обузданы на континенте раз и навсегда, ситуацию трудно предсказать, а мы с вами лишимся плацдарма, столь необходимого для процесса нашего восстановления.

Эрго: на нынешнем этапе наши интересы и понятный страх янки перед возможной потерей своих позиций в Латинской Америке практически смыкаются.

Эта ситуация не есть некий парадокс истории, это то, что предсказывал фюрер, особенно в последние месяцы битвы.

Теперь по поводу положения в Греции и на Ближнем Востоке.

Гражданская война в Афинах делает невозможным диалог между Москвой и Западом. И это прекрасно. Южнее Греции тоже пахнет порохом. Крах британского колониализма, явившийся прямым следствием их победы — а вот это как раз парадоксальная ситуация, не правда ли: реальное поражение вместо мифической победы?! — породил новое качество не только арабского народа, еврейского населения Палестины, но и Африки в целом. Там грядут события труднопредсказуемые, однако ясно одно: Англии и Соединенным Штатам весьма рискованно поддерживать евреев в их сражении за создание своего государства; опять-таки единственной силой, которая открыто заявляет о необходимости создания такого рода общности, является Кремль. Сталина можно понять. В отличие от Лондона у него есть своя нефть в Баку. Англичане поддерживают и арабов, и евреев, стремясь при этом сохранять видимый нейтралитет. Не позволим. Белый дом пока еще не занял определенной позиции. Подождем. Ну, а мы благодаря искусству нашего товарища Йозефа Менгеле имеем возможность знать всю правду и про арабов, и про евреев. Наши люди работают в обоих направлениях. Будем уповать на будущее.

Африка. В Намибии и Уганде мы имеем свои опорные пункты — как-никак были нашими колониями. Конечно, роль наших людей в Намибии пока что мизерна, но мы должны научиться высокому искусству ожидания. В том, что мы еще скажем свое слово — и особенно в Намибии, а это подступы к золоту и алмазам,— не приходится сомневаться.

Европа. Этот регион в настоящее время не может быть включен в сферу нашего геополитического интереса. Продолжаем составлять досье, вести картотеки на лиц, вызывающих наш интерес, в основном перспективный, пугаем западных союзников самим фактом своего незримого присутствия — и все. Такова наша доктрина на ближайший год. Год, я не оговорился.

Мюллер отложил конспект, в который он заглянул всего лишь дважды, и снял свои очки в тоненькой золоченой оправе — ни дать ни взять учитель пения из сельской школы.

— Я высказал основную пропозицию. Каждый вправе внести коррективы, не согласиться с чем-то из изложенного; увы, мы часто грешили тем, что не слушали никого, кроме фюрера, а это есть неуважение к нации, у нас много умных людей. И если раньше было опасно иметь собственную точку зрения, то отныне — смею вас заверить со всей определенностью — мы будем ценить тех, кто предлагает свое, не думая, понравится это руководству или нет. Мы,— Мюллер чуть откинул голову, словно собираясь запеть,— сами решим, что в ваших предложениях интересно, а что мизерно и не заслуживает поддержки. Карман наших общих идей и желаний должен быть полным, нельзя — и это доказала история — упираться лбом лишь в одну возможность; их много; задача состоит в том, чтобы выбирать оптимальную на данном конкретном этапе.

Позволю себе проанализировать кое-какие частности, ибо они могут превратиться в основоположения для дальнейшей практической работы. Начну с Аргентины. Вы все знаете, что пресса Штатов клеймила Перона как агента рейха. Он не был нашим агентом — в том прямом смысле, какой янки вкладывают в это понятие: они хорошо работали по чикагской мафии, но опыта сотрудничества с перспективными политиками у них еще нет, к счастью. Да, действительно, и Алигьери, прикомандированный к Перону спецслужбой дуче, и наш полковник абвера Кинглер работали с ним в том направлении, чтобы привить ему вкус к политике, объяснить структуру работы нелегальной организации оппозиции — опыт Кальтенбруннера, когда он сражался за Вену, весьма богат в этом смысле,— и они преуспели, Перон вернулся в Буэнос-Айрес человеком, который осознал собственную силу. Мы смогли пробудить в нем лидера, это крайне важно. Людвиг Фрёйде,— Мюллер кивнул ему подбадривающе,— в эпоху кризиса был на высоте, он находился все время рядом с Пероном. Заметьте себе: как только Белый дом понял, что Перон закусил удила, как только умные люди в Штатах до конца осознали, что, подвергая унижению популярного лидера, они могут потерять Аргентину, так сразу же государственного секретаря Хэлла понудили уйти в отставку — по состоянию здоровья. Действительно, р ы ц а р с т в о Хэлла, который клеймил Перона в пронацизме, било по самым умным людям на севере — по Уоллстриту, по его интересам на юге континента; именно поэтому, объявив об уходе Корделла Хэлла, об отводе флота от уругвайских берегов и признав режим генерала Фарреля и Перона, Уолл-стрит начал тур вальса с Розовым домом[1], пригласил Аргентину на Чапультепекскую конференцию и гарантировал ей членство в ООН, несмотря на пронацизм Перона... А он, кстати, был бóльшим, чем у Франко. Того, однако, в ООН не пустили; Перон же — член этой организации.

Я располагаю достоверной информацией,

Продолжение. См. «Огонек» № 4.

[1] Так называется дворец президента Аргентины.

что посол Англии в Аргентине сэр Келли по личному указанию Черчилля посещал Перона и генерала Фарреля, чтобы сказать им: «Мы сами заложники младшего брата, положение наше сложное, но мы понимаем вас и будем оказывать вам посильную поддержку».

Пассаж ясен: британцы боятся потерять здесь свои позиции. Они не зря этого боятся, они их потеряют.

Полагаю, что встреча Перона с сэром Келли привила ему вкус к играм: только этим я объясняю установление отношений Перона с Кремлем; ему сейчас необходима третья сила. Лондону угодно пребывание здесь русских, янки — нет.

Возникает вопрос: а что выгодно нам? Кого поддержать? А ведь мы, несмотря на военное поражение, достаточно сильны экономически и организационно, чтобы сказать свое слово, и оно будет весомым...

Стратегическая линия, определенная нами по отношению к Перону в конце сорок пятого года, себя оправдала; он — с подачи Людвига Фрёйде — сделал то, что вызывало ярость в Вашингтоне да и в Москве: он разрешил массовую эмиграцию немецких умов и рук в эту страну. Позиция Перона: мир устал от войн и жестокостей, мы делаем свой первый взнос в гуманное отношение к людям, на чьей бы стороне они ни были во время битвы. Эта позиция так великолепна, что не может быть расстреляна с американских канонерок,— тот же Ватикан не позволит. Да и потом, с пропагандистской точки зрения, дурно расстреливать из орудий самое понятие «гуманизм».

Популярность Перона поставила его над толпой, он стал живым богом, он дал стране реальные блага и этим победил левых.

Но в Колумбии, Боливии, Перу, Венесуэле и Коста-Рике очевиден взлет левой тенденции. Там нет личностей нашей ориентации, и как результат — во всех этих странах открылись русские посольства.

Таким образом, я подобрался к главной позиции.

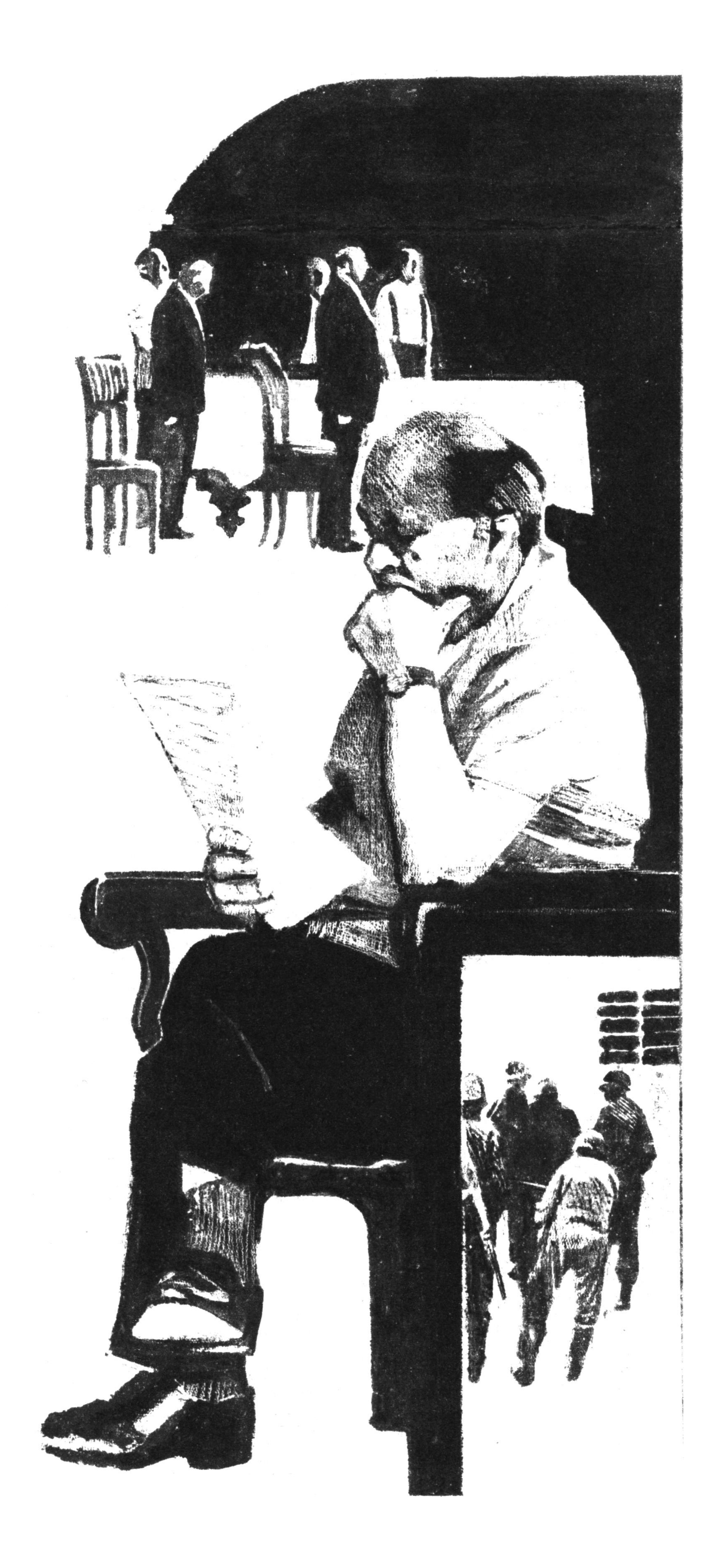
Если вы помните, я задал вопрос в определенной мере риторический: «Кого нам выгодно поддержать?» Думаю, нам выгодно поддержать не британцев, которые ближе нам, но янки, потому что только они могут здесь, на этом континенте, на деле, а не на словах увидеть нашу умелость в борьбе против Кремля.

Возможна ли такого рода борьба без хорошо отлаженных контактов с секретными службами янки? Возможна. Никто так не понимает большевиков, как мы. Но выгодно ли нам тайное рыцарство? Думаю, нет. Всякий контакт — суть начало диалога. Диалог — путь к взаимному выяснению позиций. Но диалог должен состояться именно здесь. Почему? Потому что тут мы докажем нашу нужность! А не в камерах нюрнбергской тюрьмы! Равные с равными, только так!

Поэтому, заключая это короткое выступление, я хочу задать вам, прибывшим сюда со всех точек континента, только один вопрос: сможем ли мы подготовить крупномасштабные операции, следствием которых будет безусловный разрыв дипломатических отношений между всеми странами юга Америки с Россией? Всеми, но не Аргентиной, ибо присутствие русских здесь выгодно не столько даже Перону, сколько той идее, которая пока еще не до конца оформилась в план комбинации,— я имею в виду Риктера и его работу по атомной бомбе для нас с вами, а не для этой страны пеонов и кабальерос... Пока здесь русские, прямой санкции янки не будет, не решатся, это может привести — особенно если мы подтолкнем Перона обратиться к Советам за помощью — к открытой конфронтации между Москвой и Вашингтоном. Ни та, ни другая страна к этому пока еще не готова.

Во всех странах этого континента разрыв отношений с Кремлем поможет здоровым силам армии покончить с левой тенденцией. Это также гарантирует нужную информацию по поводу всего, что будет происходить на юге Америки, ибо вместе с русскими дипломатами отсюда вышвырнут и русских журналистов.

(По тому, как собравшиеся зааплодировали, Мюллер понял — можно, не зря провел последние полтора года здесь, в уединении; главное — схема, во всем и всегда важна схе-

ма, а уж как ее сделать живым организмом — его забота, его, а не тех, кто здесь собрался.

Он знал, кто будет его контактом на севере. Он не сказал об этом, потому что имя слишком широко известно в мире — полковник Бэн, создатель ИТТ[1]).

Первым после Мюллера выступил Людвиг Фрёйде.

— Я приветствую концепцию дона Рикардо. В ней присутствуют твердость и вера, а это ли не есть основа успеха в любом начинании? Я не вправе выдвигать какие-либо идеи, связанные с другими регионами мира, потому что фюрер и партия национал-социалистов поручили мне работу именно в этом районе. Поэтому я сосредоточусь на тех проблемах, которые перед нами ставит жизнь в Аргентине.

Я не буду говорить о том, каким трагичным оказался для нас, национал-социалистов, сорок второй год, когда в руки левых, проникших в министерство внутренних дел Аргентины, попали все наши архивы. Был раскрыт код, захвачены списки наших людей, а их было немногим менее пятидесяти тысяч, потому что практически в каждом городе мы имели нашего немца и аргентинского связника. Но мы смогли ударить по врагам — и пришли военные. Мы тогда не рискнули сразу же организационно восстановить всю цепь; мы закончили эту работу после победы Перона, но это был конец прошлого года, мы только сейчас стали на ноги, отладив связь с нашими друзьями по совместной борьбе. Нам приходится действовать в обстановке строжайшей конспирации, потому что янки развивают свою активность, и сделать им подарок, засветив нашу структуру, непростительно.

Я бы не разделял оптимизма дона Рикардо по поводу русского присутствия здесь как некоей антисилы, которую Перон сможет использовать в наших интересах. Русские и есть русские, фюрер назвал их наравне с евреями нашим главным врагом, и мы не вправе ревизовать указание Адольфа Гитлера, хотя, не спорю, отдельные вопросы тактики нашей борьбы поддаются рабочим коррективам, увязанным с изменившейся ситуацией. Мы установили свой контроль над прибывшим русским дипломатом, помимо того, который осуществляет спецслужба Перона. Наши пункты слежения находятся рядом с опорными базами аргентинцев: это улица Коперника, прямо напротив «Петит отель», где поселился русский представитель Жуков и его помощник Чимбрадзе, и на улице Генерала Жели и Обеса; все встречи контролируются, лица, входящие в контакт с русскими, вносятся в картотеку; хорошо был отработан слух: каждый, кто решит посетить «Петит отель» без санкции на то властей, может быть привлечен к дознанию. Машина русских, голубой «паккард» номер СД-264, как и его водитель, Луис Гонсалес, взяты под непрерывное наблюдение. Мы отдаем себе отчет в том, что, когда сюда прибудет русская колония, она, хоть и незначительная по численности, не должна сторониться попыток, предпринимаемых рядом янки, выявить наших товарищей по борьбе, перебравшихся сюда после окончания битвы в Европе. Осторожность и еще раз осторожность. В случае необходимости — резкий ответный удар, но главная стратегия сегодняшнего дня — выжидание.

Поскольку мы смогли в кратчайший срок наладить атомный проект, поскольку в Кордове работают наши специалисты, заканчивая для Перона создание самого скоростного в мире истребителя, поскольку мы — в целом — восстановили ядро партии здесь, в Аргентине, нам нужен еще год, а то и два, чтобы проложить новые пути на континенте, в первую очередь в Парагвай, Боливию, Чили и Перу, прежде чем мы сможем предложить серьезный, а не авантюрный план той комбинации, о которой говорил дон Рикардо.

Следующим поднялся Бернардо Майер. Он не сразу начал говорить; помял лицо маленькой ладонью (маникюр, сукин сын, делает, сразу же отметил Мюллер, и кольцо носит, хоть заранее снял его, потому что знает, как я не люблю показные штучки, но след-то остался, что ж ты эдак-то, малышок?!), потом пожал плечами и, словно бы удивляясь чему-то ему одному видному, заметил:

— Мне труднее других как выступать перед вами, так и приехать сюда. Все же я единственный, кто по-настоящему фигурировал в документах «комиссии по антиаргентинской деятельности». Но я приехал. Я приехал потому, что в душе наболело. А наболело оттого, что мы чересчур последовательно и бездумно проводили линию доктора Фрёйде. Мы слишком дисциплинированно выжидали и осторожничали. А надо было еще более активно действовать. Мы выпустили ситуацию из-под контроля в начале сорок пятого. История нам этого не простит.

Мюллер мягко улыбнулся:

— Не клевещите на себя. Ситуацию выпустили из-под контроля не вы, а изменники-генералы на полях сражений. Если бы они удержали армию, вы бы диктовали Розовому дому наши условия. И вы, и доктор Фрёйде, и партайгеноссе Зандштедте честно выполняли свой долг перед рейхом. Простите, что перебил, продолжайте, пожалуйста.

— Вы просили быть откровенным, дон Рикардо... Я стараюсь, но это вовсе не просто, как-никак мы все привыкли глазеть наверх — как там, а уж после этого решались говорить сами...

— Не забывайтесь, Майер! — крикнул Фрёйде. — Отдавайте отчет своим словам!

— Я отдаю отчет своим словам. Если вы погрязли в коммерции и нашу общую победу с Пероном обернули на самообогащение, то я как был идеалистом, верным движению, так им и остался. Вы живете на своем острове в окружении олигархов и паршивых еврейских буржуев, а я живу в фанерном бараке среди полуголодных рабочих. И мне очень не нравится, когда вы говорите здесь, что надо ждать. Дон Рикардо внес дельное предложение. Я кожей чую, что сейчас самое время подготовить не одну, а пять, шесть комбинаций, чтобы продемонстрировать неумирающую силу национал-социализма. Мы ничем не рискуем, кроме возможной победы. А вы рискуете вашими счетами в банках и дворцами на островах! Вам есть чем рисковать! Придет время, когда наш партийный суд разберется, как вы разбогатели на нашей работе!

Фрёйде поднялся:

— Дон Рикардо, это возму...

— Сядьте, — сохраняя улыбку, но тем не менее холодно заметил Мюллер. — Умейте слушать, партайгеноссе Фрёйде. Вы ответите после, здесь собрались друзья, мы говорим о том, что наболело, вы получите право ответить по всем пунктам своему оппоненту.

— Спасибо, дон Рикардо, — прочувствованно сказал Майер. — Так я вот про что... Моя линия связи с Боливией и Парагваем работает надежно, как раньше. Я держу опорный пункт связи в Мадриде и Милане, я не открыл их никому, они функционируют. У меня есть надежные люди среди русской колонии в Асунсьоне, они сотрудничали с вами, — он выразительно посмотрел на Мюллера, — не с партией...

— Странная позиция. — Мюллер пожал плечами. — Зачем отделять партийное ведомство рейхсляйтера Бормана от моего? Мы все служили и служим одному делу — идее германского национального возрождения...

— Верно, — согласился Майер, — только я это к тому, что вы своих не берегли, вот им повсюду головы-то и поотрывали, а мы верных и нужных людей щадили... Вам каждый день сводку подавай, а мы впрок думали... Поэтому я и сохранил русский фашистский центр, там люди готовы на все... Вот я и намерен предложить использовать их в той комбинации, которая позволит нам организовать разрыв дипломатических отношений между здешними режимами и Россией. Я готов предложить план комбинации по Боливии и Колумбии в течение месяца... Пусть ждут трусы, которые не верят в наше дело. Я верю. Поэтому идею дона Рикардо поддерживаю целиком и полностью: за работу!

— Как фамилия руководителя русского фашистского союза в Асунсьоне? — легко поинтересовался Мюллер.

— Артахов, — после легкого колебания ответил Майер. — Очень интересный человек.

— Чем он там занимается? Я имею в виду легальное занятие.

— Могу я ответить вам с глазу на глаз, дон Рикардо?

Мюллер изумился:

— У вас есть основания не доверять кому-либо из присутствующих?! Назовите этого человека, Майер! Это ваш долг!

— Нет, я никого не подозреваю... Просто нельзя называть имя твоего доверенного человека открыто. Меня ж инструктировали... Только твой руководитель, ты и он, и больше никто.

— Верно. Так и будет впредь. Но здесь собрался костяк будущих руководителей движения, Майер. Вы в том числе. Люди, собранные здесь, прошли надлежащую проверку. И занимался этим я. Десять месяцев, Майер, десять месяцев...

— Он редактирует журнал «Оккультизм», его выписывают в Америке, Британии, Канаде, хорошая форма связи с теми из наших, кто там уцелел, вот почему я так его берегу...

— Спасибо, Майер. Вы имели право не ответить мне, и я бы не посмел принуждать вас. Спасибо. Кто следующий? Пожалуйста. Слово Карлу Губнеру.

— Я поддерживаю ваше предложение, группен... дон Рикардо. Мы имеем все возможности в ближайшее время разыграть несколько комбинаций, чтобы на этой почве начать диалог с янки. Возникает лишь один вопрос: степень риска? Конечно, чем более рискованная, то есть крупномасштабная, операция, тем более возможна выгода нашему движению. Например, если бы смогли втянуть русских в интерес по отношению к авиационному центру Перона в Кордове, а они не могут не быть заинтересованы в работах СС штандартенфюрера доктора Танка, то разрыв отношений между Аргентиной и Москвой станет очевидным фактом, но в условиях задачи, поставленной доном Рикардо, присутствие русских здесь признано допустимым в интересах конечного успеха всей комбинации. Я не берусь оспаривать концепцию дона Рикардо, его авторитет не позволяет мне этого. Но... Хорошо, следующее предложение: поскольку мне приходилось постоянно курировать работу нескольких групп в Колумбии, у меня остались надежные связи среди разумных кругов страны. Они, как и дон Рикардо, с тревогой отмечают рост коммунистических да и вообще левых тенденций. Определился лидер — профсоюзный деятель Гайтан. Если будут назначены выборы, он, и только он, получит власть. Это смерть для янки, он выступает против их, как он говорит, экспансии с фактами в руках. Каковы предложения? У меня есть надежные контакты — через третьих лиц — с группой колумбийских анархистов. В нужное время, в надлежащий момент мы санкционируем нейтрализацию Гайтана, организовав перед этим ряд контактов русских с нашими подконтрольными левыми группами. Крайне левые щелкают просто левых — с санкции Москвы. Разве это не повод для разрыва отношений с Кремлем и прихода к власти военных, получивших воспитание в классах, руководимых немецкими офицерами?! В этом же наша главная сила! Большинство военных в Латинской Америке прошло прусскую военную школу, армию Чили и Боливии создали мы от начала и до конца...

— Не мы, — улыбнулся Мюллер. — А предатель Эрнст Рем.

— Когда он создавал армию Боливии и Парагвая, — возразил Карл Губнер, — он не был изменником, дон Рикардо! Он тогда был братом фюрера! Неужели его измена в тридцать четвертом может зачеркнуть все то, что он сделал до этого?! Давайте научимся уважать историю нашего движения!

— Давайте, — согласился Мюллер. — Тем более что он никогда и никому не изменял. Доводите свою мысль до конца, пожалуйста. Обычная — после каждой национальной революции — борьба лидеров. Разве Дантон или Робеспьер изменяли идеалам своей революции? Сейчас в мире начнется процесс тщательного изучения нашего движения, и изучать его будут не по учебникам истории, написанным в министерстве пропаганды доктора Геббельса, а на основании документов. И мы должны быть готовы к тому, чтобы говорить молодому поколению правду. Дозированную, взвешенную, но правду. Если делать ставку на одних лишь фанатиков, мы не сможем противостоять противнику, который будет оперировать не слухами, но архивными документами

[1] Компания «Интернэшнл телефон энд телеграф».

и показаниями очевидцев. Мракобесие не в силах одержать окончательную победу над наукой — только временную, только сиюминутную и на очень короткий период исторического времени. Что для мира столетие? Ерунда, малость, крошечная величина, а мы обязаны думать о тысячелетиях... Предложение, связанное с колумбийским узлом, мне по душе, очень интересно, будем думать, спасибо. Следующий?

Следующим выступил доктор Зобель. Поигрывая толстыми, на американский манер, подтяжками, он говорил быстро, будто горох по столу сыпал:

— Дон Рикардо, у меня создается впечатление, что мы тщимся открыть открытые уже Америки. Меня удивляет то, что собравшиеся здесь коллеги тщательно мнут себя под соображения, высказанные вами. Спору нет, те параграфы, которые вы изложили по поводу ситуации в мире, крайне точны, собранны, никакой демагогии и болтовни, все по делу, но когда вы коснулись проблем Латинской Америки, то здесь стала очевидной наша всегдашняя болезнь: те или тот, кто здесь работает с вами, не решились выставить контрдоводы, издержки рабского чинопочитательства. А это ущерб общему делу, дон Рикардо! Вы говорите: «Целесообразна комбинация, которая даст нам вес для диалога с янки». И приглашаете нас к совместному раздумью и планированию. Но почему-то никто не обратил ваше внимание, что президент Эквадора сеньор Веласко Ибарра, впустивший в свой кабинет коммунистов — он не мог этого не сделать,— получил власть на гребне левой волны. Но когда коммунисты не позволили ему передать янки под их военные базы Галапагосские острова, он пять месяцев назад без нашей комбинации, а самостоятельно или с подачи «малоопытных» янки объявил о наличии в Эквадоре коммунистического заговора, коммунистов-министров отправил прямехонько в тюрьму, отменил конституцию и навел в своем доме порядок. Кто вам доложил подробности его комбинации? Кто просчитал механизм его дела? Да никто! А почему? Потому что смотрят вам в рот! И не хотят видеть живые факты! А подводят в конце концов не только вас, но движение!

— Но ведь в Чили, совсем рядом с нами,— Мюллер кивнул на окно,— за Андами, в правительство по-прежнему входят три коммунистических министра, Зобель. Разве нет? Вы правы, мы еще недостаточно изучили эквадорский феномен, но мы его знаем и думаем над ним. Именно та топорность, с которой он был осуществлен, та топорность, которая делает недолговечным режим Ибарры, и подвигла нас к тому, чтобы придумать рецепты комбинаций, приложимые к каждой стране здешнего континента в отдельности, учитывая особенности нации и своеобразие ее лидеров. Тем не менее спасибо вам за то, что вы заостряете мое внимание на возможном чинопочитательстве моих ближайших сотрудников, работающих со мною постоянно, мы учтем ваше замечание.

— Дон Рикардо, вы призывали говорить то, что мы думаем...

— По-моему, я никак не мешал вам говорить то, что вы думаете,— заметил Мюллер.— Наоборот, меня радует ваша открытость. Кто следующий?

В своем кратком заключительном слове он говорил о многом.

Но ни о беседе с полковником Стреснером из Парагвая, ни о том, что у него уже состоялся контакт с Риктером, ни о том, что одна из ключевых фигур в задуманной им комбинации — Штирлиц — находится ныне под его непосредственным контролем, он не произнес ни слова: кесарю — кесарево, богу — богово.

Ночью, после славного ужина, во время которого Мюллер размяк, произнес три спича вместо одного, отрепетированного заранее (пить нельзя категорически — становлюсь сентиментальным, тянет в слезы, явный признак склероза), он долго не мог заснуть, ворочался в своем гамаке, потом позвал индианочку (в районе Игуасу очень дешевы, белые охотники их продают за гроши), только это позволило ему ненадолго забыться; проснулся со странным, тяжелым ощущением тревоги; оно не было похоже на то, что он испытывал здесь после бегства из рейха; лишь по прошествии месяцев он признался себе, что жил в атмосфере постоянного, животного ужаса; спасением была, как это ни странно, речь Черчилля в Фултоне: все возвращается на круги своя, но в новом круге, слава богу, нет фюрера с его садизмом, который шокировал цивилизованный мир, с виселицами в Минске и Загребе, с гетто в Варшаве, с идиотством Гиммлера, культивировавшего новую породу арийцев, словно скороспелые сорта картофеля; однако провозглашенная фюрером идея борьбы с большевистским Востоком оказалась угодной новому кругу в большей даже мере, чем раньше; дело понятное: русский медведь проснулся, наработал жесткие приемы борьбы, сделался колоссом — конкурент, страшно, вот заокеанские живчики и засуетились.

Нет, тревога, которую он ощутил сейчас, была прежней, той, которую он начал забывать уже,— постоянной, въедливой, трудно поддающейся логическому анализу. Ты кому-то не веришь? — спросил он себя. Кому? Какие к этому есть основания? Если ты докажешь себе, что прав, что кто-то в чем-то опасен тебе, то дело легко поправимо: участники совещания утром полетят в Кордову на твоем самолете; ничего страшного, купишь новый, деньги есть. Но самое обидное, если ты уберешь нужных тебе людей,— мания подозрительности невозможна в политическом лидере. В политическом лидере, повторил он. Вот почему ты испытал ту отвратительную, изматывающую душу тревогу, которая ломала тебя и унижала, когда ты жил под Гиммлером, понял он. Ты сейчас вновь поставил себя на роль исполнителя, ты не смог заявить себя если и не фюрером, то хотя бы вторым после него человеком; порою вторым выгоднее быть, чем первым. Ты говорил с резервом, ты боялся раскрыть карты, а эти люди пришли сюда получить приказ, они не умеют обсуждать и вырабатывать линию, они, как и ты, раздавлены фюрером и его стилем. Нет, возразил он себе, ты ошибаешься. Они, может быть, и раздавлены им, но более всех раздавлен ты сам. Вместо того, чтобы бесстрашно отдавать приказы, ты, Фрёйде, продолжаешь готовить операцию с подводом Штирлица к Риктеру, к переправке его на озеро Уэмуль в Барилочи; ты, Пратт, организовываешь канал, по которому Штирлиц должен пойти на связь с русским посольством в Буэнос-Айресе, а он обязательно пойдет на связь, или я ничего не понимаю в людях; ты, Губнер, организуешь мне встречу с Пероном, и я, лично я, отдаю ему Штирлица, делаясь спасителем его идеи; ты, Зобель, готовишь информацию обо всем этом для Бэна, и таким образом я, Мюллер, делаюсь ключевой фигурой предприятия, одним из самых компетентных стратегов антирусской борьбы на континенте, как на севере, так и на юге... Вместо того, чтобы приказать Майеру завтра же отправиться в Боготу и привезти мне подробный план комбинации по Гайтану, я расточал елей; я не готов еще к той роли, о которой мечтал. А не готов я к этому потому, что раздавлен Борманом и жду, когда он придет сюда, сядет в кресло возле камина и скажет: «Ну, докладывайте». И я стану докладывать, вот в чем весь ужас! Половая тряпка, сказал он себе, ты несчастная половая тряпка из грубой мешковины, которая легко впитывает, а еще легче выжимается... Ну, хорошо, хорошо, легче легкого топтать себя ногами, тем более ты сам определил себя половой тряпкой. А выход? Каков выход? Да и есть ли он? Может быть, я раздавлен самой структурой национал-социализма как личность и ничто не поможет мне? Воистину богу — богово, а кесарю — кесарево, только надо это выражение примерять не на тех, кого ты собрал, а на самого себя. Хорошо, а что, если сделать так, чтобы Борман исчез — раз и навсегда? Тогда ты, только ты, группенфюрер Мюллер, остаешься правопреемником идей национал-социализма. Да, но ведь Борман жив, возразил он себе. А кто об этом знает, кроме тебя? Да, и потом — Борман ли это? Ведь в случае надобности ты всегда сможешь доказать, что это никакой не Борман, а обыкновенный двойник, и тебе поверят. Поверят? Да, поверят, если ты не будешь тряпкой, а заставишь себя раскрепоститься, ущипнешь себя, что ли: это не сон, а реальность; все происходящее въяве; психа шлепнули, ты свободен, богат, не стар еще, тебе досталась доктрина, которая сохранит свою надобность до тех пор, пока существует большевизм; живи! Живи же! Это так прекрасно, когда ты живешь, ощущая свое незримое таинственное могущество! Мне нужны мои люди, сказал он себе, поднимаясь с гамака, мне нужен Эйхман, Менгеле, Рауфф, Швендт, Скорцени, мне нужна моя гвардия, а не эти провинциалы, вот что мне нужно, чтобы осознать себя фюрером по-настоящему.

Он достал с полки папку с черно-бело-красным символом национал-социализма и, пролистав несколько страниц, углубился в чтение документа; очки не надевал — это ведь игра, очки-то, лишние мгновения на то, чтобы продумать ответ, когда Борман или какой другой дьявол задают тебе вопрос, и ты знаешь, что этот вопрос задан неспроста, и тебе нужны секунды, чтобы просчитать в уме все то, что надлежит калькулировать, когда имеешь дело с оборотнями, иначе снесут голову, легко снесут, без сожаления, такова жизнь, ничего не попишешь...

Он начал читать литые строки Гитлера, увидел сразу же его зеленые глаза, по-совиному беззащитные, услышал его австрийский, столь любезный ему, баварцу, голос, ощутил слезы в глазах, и в который раз уже подивился себе самому: какая непоследовательность — плакать, вспоминая человека, который привел к краху?! Нет, нет, рабство, в нас въелось рабство, как его извести поскорее?! А надо ли? — спросил он вдруг себя. Зачем? Рабство позволяет в пять раз скорее делать то, что не под силу джентльменству, потому что самое понятие рабства вертикально и времени на дискуссии не оставляет: или ты поступаешь так, как я приказываю, или исчезаешь, третьего не дано!

...Наутро за завтраком Мюллер оглядел несколько помятые после вчерашнего застолья лица единомышленников и, надев тонкие очки на кончик носа, сказал:

— Я был счастлив видеть вас здесь. Сердце мое преисполнено гордостью за то, что наша общность выдержала все испытания. Они были нелегкими, ибо это были испытания на горечь поражения, а не на пьянящую радость побед. Перед тем, как мы расстанемся, я бы хотел — поскольку вы все выразили согласие с теми основополагающими принципами, которые я изложил,— распределить обязанности в тех комбинациях, которые мною спланированы. Отчеты о той работе, которую я сейчас поручу каждому из вас, будут передаваться мне. И никому другому. Извольте в недельный срок представить исчерпывающие данные на все ваши связи. Итак, Фрёйде... Вам я поручаю следующее...

Через три дня генерал Гелен запер в сейф подробный отчет о совещании у «дона Рикардо».

Дело в том, что Майер был завербован его организацией еще в конце сорок пятого. Работал истово, не за страх, а за совесть. Иначе он не мог: его единственный сын, СС гауптштурмфюрер, жил в американской зоне оккупации по фальшивым документам. Вопрос о его вывозе в Латинскую Америку мог решить только один человек — Гелен.

Однако же в отличие от Мюллера генерал Гелен разработал совершенно иной план, и ему, Гелену, было выгодно, чтобы Аргентина, получив данные о «русском шпионе Штирлице», немедленно, раз и навсегда, расторгла дипломатические отношения с Россией.

Гелен думал дальше, чем Мюллер, в данном конкретном вопросе. Он полагал, что незачем таскать все каштаны из огня для американцев. Какие-то — да, но самые вкусные надо сберечь для немцев. Чем труднее будет американцам в Аргентине, тем легче германская промышленность, восстав из пепла, войдет туда, чтобы стать монополистом богатейшего рынка. Естественно, присутствие русских помешает этому, поэтому надо сделать все, чтобы отношения между двумя странами были прерваны в зародыше.

Продолжение следует.

Будущий солдат должен уметь все, даже прыгать сквозь огонь.

готов к труду и обороне

Промозглое, иззябшее солнце с трудом выбиралось из густого ельника. Потрескивают от мороза деревья. Низкое небо подпирают примерзшие к трубам столбы дыма. Какой-то зверь рыкнул в чащобе. Простуженно возвестил о рассвете петух... На какое-то время мы забыли о морозе, но, когда взглянули на копошащихся у большой полыньи людей, стало не по себе: ведь они готовились к подледному погружению. Необходимость в этом была острейшая. Без аквалангистов не обойтись! Им так и сказали, когда разбудили задолго до рассвета.

Пока ребята обкалывают лед, надевают гидрокостюмы и проверяют акваланги, я расскажу, где все это происходит. Есть недалеко от Свердловска озеро Балтым. Вода — чистейшая, грибов, ягод и всякой живности множество. Но все это, разумеется, летом. А зимой здесь, по крайней мере в будний день, ни души. Мы бы сюда тоже не попали, если б не ночной звонок. «Не приедут аквалангисты — будет скандал. А уж детских слез не миновать!» — взволнованно говорили с Балтыма.

Есть на «Уралмаше» хорошая традиция: в канун Нового года на заводской площади ставится красавица елка и сооружается снежный городок. Из ледяных глыб возводятся дворцы, башни, крепости, причем все это изнутри подсвечивается разноцветными лампочками. Красота невероятная! Если же учесть, что ребятне разрешается в этом городке кататься, лазить внутрь, устраивать всевозможные игры, то нетрудно представить, как ждут своего часа

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото И. ГАВРИЛОВА
специальные корреспонденты «Огонька»

СОЛДАТЫ З

На связи Рушан Якубов.

Укротитель мотоцикла.

Стрельба из пистолета — вполне женский вид спорта.

АВТРАШНЕГО ДНЯ

Окончание на стр. 28.

Есть что рассказать ребятам бывалому воину Э. Н. Оборотову.

Трудный вираж.

ПОИСКИ ПРОШЛОГО

Владимир ЕНИШЕРЛОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

— Вы едете в Прагу? — спросил меня старый русский пражанин, давно уже живущий в Москве, любитель и знаток поэзии.— Брунцвику поклонитесь.

— Брунцвику?

— Да, рыцарю у Карлова моста. Марина Цветаева называла его своим ангелом-хранителем. «У меня есть друг в Праге,— писала она,— каменный рыцарь, очень похожий на меня лицом. Он стоит на мосту и стережет реку: клятвы, кольца, волны, тела...»

Все так же стоит мальчик-рыцарь, подняв свой золотой волшебный меч над Влтавой, он замер, не ведая, что обрел бессмертие не только в камне, но и в том, что прочнее камня,— стихах Цветаевой:

Бле́дно-лицый
Страж над плесом века —
Рыцарь, рыцарь,
Стерегущий реку.
. . . .
— «С рокового мосту
Вниз — отважься!»
Я тебе по росту,
Рыцарь пражский.
Сласть ли, грусть ли
В ней — тебе видней,
Рыцарь, стерегущий
Реку — дней.

А совсем неподалеку от Карлова моста в одном из пражских архивов хранится более ста писем М. Цветаевой к Анне Тесковой, ее чешскому другу. Так вот, именно в письмах к Тесковой есть слова, которые как бы протягивают связующую во времени нить — от Пушкина к двадцатому веку, чьим трагическим голосом стала поэзия Цветаевой. Она пишет о своих стихах к Пушкину: «Стихи к Пушкину... совершенно не представляю себе, чтобы кто-нибудь о с м е л и л с я читать, кроме меня. Страшно резкие, страшно вольные, ничего общего с канонизированным Пушкиным не имеющие — обратные канону. О п а с н ы е стихи... Они в н у т р е н н о — революционны... внутренно-мятежные, с вызовом каждой строки... они мой, поэта, единоличный вызов — лицемерам т о г д а и т е п е р ь...»

Вся его наука —
Мощь. Светло́ — гляжу:
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу.

Память о двух русских поэтах встретилась мне в Праге, и символично, что имена их — Цветаева и Пушкин — два века нашей поэзии.

ЗАЙДЕМ К СМИРДИНУ

О том, что знаменитая в пушкинское время библиотека А. Ф. Смирдина находится теперь в Праге, время от времени появляются информации в печати, о ней снят и фильм.

Вспомним знаменитую гравюру С. Галактионова по рисунку А. Брюллова — «Новоселье у Смирдина». Во главе стола — И. А. Крылов, близ него стоит Смирдин, далее сидят Хвостов, Пушкин... Новоселье, а Смирдин отмечал 19 февраля 1832 года открытие магазина и публичной библиотеки в новом помещении на Невском в Петербурге, проходило торжественно «в среднем бельэтаже в окружении горделиво стоящих за стеклом в шкафах красного дерева русских книг в богатых переплетах». И вдруг через полтора века оказаться среди этих же книг, иметь возможность взять в руки тома, которые могли перелистывать Пушкин, Жуковский, Вяземский, но не в России, не на Невском проспекте, а в одном из старинных зданий старого монастыря в центре Праги! Сердце может замереть даже не у библиофила.

Ведь Смирдин — это целая эпоха в судьбе отечественной культуры, а особенно в судьбе русской книги. Белинский даже ввел в обиход термин — «смирдинский период российской словесности», называл А. Ф. Смирдина его «главой и распорядителем». Человек, который собрал в своей библиотеке книги, оказавшиеся в Праге, был не только замечательным издателем и просветителем, он стал настоящим другом и помощником русских писателей. «Русская публика,— писал Белинский,— видела в г. Смирдине книгопродавца на европейскую ногу... с благородным самолюбием, для которого не столько было важно нажиться через книги, сколько слить свое имя с русской литературой, внести его в ее летописи».

Один за другим снимаю с полок тома: Тредиаковский, Батюшков, Жуковский, Гнедич, Гоголь, Козлов, наконец, Пушкин... Кожаные и полукожаные переплеты, чуть пожелтевшие, тронутые временем страницы, экслибрис «Из библиотеки Смирдина». Именно их, возможно, читали, обсуждали и те, кто собрался на новоселье у Смирдина, и многие их современники. Несомненно Пушкин пользовался смирдинской библиотекой. Среди принадлежавших поэту книг выявлено семь экземпляров с экслибрисом «Из библиотеки Смирдина».

Библиотека Смирдина особенно интересна тем, что в период массового увлечения читающей публики первой трети XIX века книгой иностранной — это было собрание именно русских книг, причем нередко изданных самим Смирдиным. Его издательская деятельность была многообразна и часто столь нерасчетлива, что в конце концов привела его к разорению. Цензор А. В. Никитенко пророчески замечал: «Наши литераторы владеют его карманом как арендою. Он может разориться по их милости. Это было бы настоящим несчастьем для нашей литературы! Вряд ли ей дождаться другого такого бескорыстного и простодушного издателя!» Особой любовью и почтением пользовался у Смирдина Пушкин. Он не только продавал произведения поэта — «Бахчисарайский фонтан», «Руслана и Людмилу», «Кавказского пленника», «Бориса Годунова», но и издавал его книги. В 1833 году он напечатал первое полное издание «Евгения Онегина», а в 1835 году — «Поэмы и повести». В журнале Смирдина «Библиотека для чтения» и в альманахе «Новоселье» также публиковались произведения Пушкина. Издатель платил ему необычайно высокие гонорары — за каждую стихотворную строку Пушкин получал червонец золотом, а всего по подсчету известного советского знатока книги Н. П. Смирнова-Сокольского, около половины заработанных литературным трудом денег поэт получил от Смирдина.

Он создал в своем магазине своеобразный литературный салон, где писатели встречались, знакомились с книжными новинками, общались. «Его магазин,— писал современник,— известен всякому почтальону, потому на адресе не нужно обозначать ни улицы, ни дома». Ученый, издатель, друг Пушкина П. А. Плетнев сообщал Я. К. Гроту, упоминая о Смирдине, что «его библиотека для литератора есть неоценимое сокровище».

Пушкин любил бывать у своего издателя. Есть сведения, что посетил он его и незадолго до роковой дуэли. Среди современников, встречавших здесь поэта, был и молодой И. И. Панаев. «...Однажды часа в три,— вспоминал он,— я зашел в книжный магазин Смирдина... В одно почти время со мной вошли в магазин два человека: один большого роста, с весьма важными и смелыми приемами, полный, с рыжеватой эспаньолкой, одетый франтовски; другой среднего роста, одетый без всяких претензий, даже небрежно, с курчавыми белокурыми волосами, с несколько арабским профилем, с толстыми выдававшимися губами и с необыкновенно живыми и умными глазами. Когда я взглянул на последнего, сердце мое так и замерло. Я узнал в нем Пушкина по известному портрету Кипренского. До этого я никогда не встречал Пушкина. Я преодолел робость, которую ощутил при первом взгляде на этот великий литературный авторитет, подошел к прилавку, у которого он остановился, и начал внимательно и в подробности рассматривать поэта... Он спросил у Смирдина, не помню, какую-то книгу и, перелистывая ее, обратился к своему спутнику с каким-то замечанием. Спутник, заложив руку за жилет, отвечал громко, не смотря на Пушкина, и потом, с улыбкою обратясь к Смирдину, начал с некоторой торжественностью:

— К Смирдину как ни придешь...— и остановился... Пушкин взглянул на своего спутника с полуулыбкою и покачал головой. Я думал, глядя на господина с рыжей эспаньолкой: «Счастливец! Как он обращается с великим человеком. Кто бы это такой?» С этим вопросом обратился я к Смирдину, когда Пушкин вышел из лавки.

— Это-с С. А. Соболевский,— отвечал Смирдин,— прекраснейший человек и друг Александра Сергеевича-с...

После я уже узнал, что стих, произнесенный Соболевским у Смирдина, был первый стих известного экспромта Пушкина:

К Смирдину как ни придешь,
Ничего не купишь,
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь».

Эта несколько раздраженная эпиграмма была вызвана тем, что Смирдин был деловыми отношениями связан и с журнальным триумвиратом — Греч, Булгарин, Сенковский, с которым боролся Пушкин. Именно этот триумвират через несколько лет стал причастен к разорению А. Ф. Смирдина. «Под старость я остался гол, как сокол. Это всем ведомо»,— горько говорил он.

А что же стало с «неоценимым сокровищем» — знаменитой библиотекой Смирдина? И как она очутилась в Праге?

До недавнего времени судьба этих книг смутно прослеживалась вплоть до 1930-х годов. Было известно, что после смерти последнего владельца библиотеки — П. И. Крашенинникова она в конце семидесятых годов XIX века была продана рижскому перекупщику книг Н. Киммелю. Далее следы книг терялись.

Пропавшая библиотека «нашлась» неожиданно, уже во второй половине XX века. Советский исследователь русско-чешских культурных связей Л. С. Кишкин, работая в Праге в Славянской библиотеке, крупнейшем в мире собрании изданий на славянских языках, заказал книгу с шифром Sm. Получив ее, он с удивлением увидел штемпель: «Библиотека А. Смирдина №...» Так в поле зрения русских исследователей вновь попала затерявшаяся почти на век библиотека.

— В Праге библиотека Смирдина, вернее ее часть, оказалась в 1932 году,— рассказывает директор Славянской библиотеки доктор Иржи Вацек.— Когда организовывалась наша библиотека, МИД Чехословакии помогал широко покупать книги за границей. Тогда и обнаружилось, что в Риге хранится смирдинское собрание, в основном издания по технике и естествознанию. Гуманитарная же часть была пущена Киммелем в розничную продажу, но, к счастью, распродана не полностью. В 1932 году книги Смирдина были перевезены в Прагу. Как и подобает, экземпляры были инвентаризованы, и после этого в годовом отчете Славянской библиотеки о приобретении было сказано: «Эта библиотека является целостным собранием книг времени первого расцвета русской культуры на рубеже XVIII и XIX столетий... уцелевшая часть библиотеки представляет собой необычайно ценное собрание не только в количественном отношении, за пределами русских границ, но и по своему общему составу, позволяющему представить важный период русской культуры».

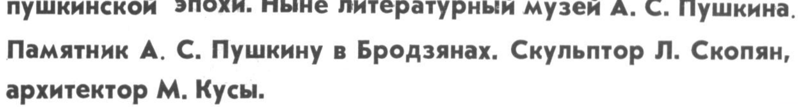
Была сделана попытка полностью реконст-

В. Гау. ПОРТРЕТ Н. Н. ПУШКИНОЙ. 1842 ГОД. **Литературный музей А. С. Пушкина. Бродзяны. ЧССР. В цвете публикуется впервые.**

Бродзяны. Замок Фризенгофов, где хранились реликвии пушкинской эпохи. Ныне литературный музей А. С. Пушкина.

Музейный интерьер одной из комнат А. Н. Фризенгоф-Гончаровой.

Памятник А. С. Пушкину в Бродзянах. Скульптор Л. Скопян, архитектор М. Кусы.

руировать состав уникальной коллекции. Маяком для этого грандиозного, особенно за пределами России, предприятия служил знаменитый, изданный в 1828 году более чем на 800 страницах каталог Смирдина, который П. А. Плетнев называл «бесценным». «Попробуй-ка,— писал он Гроту,— так раз в неделю прочитывать имена авторов в Смирдинском каталоге, и ты увидишь сколько еще лиц и книг, о коих не слыхивал». Пользуясь «Росписью» Смирдина и четырьмя добавлениями к ней, библиографы до сих пор разыскивают недостающие экземпляры редких книг, и нередко им сопутствует успех.

С доктором Евой Велинской, заместителем директора Славянской библиотеки, занимающейся смирдинским собранием, осматриваем специальное помещение, где оно хранится.

— Здесь 12 938 книг,— говорит Ева Велинска.— Из них примерно девять тысяч — подлинных из библиотеки Смирдина, остальные добавлены во время реконструкции. Это не музейное собрание. Книги могут быть заказаны читателями и выдаются для работы. Но, конечно, эта библиотека еще ждет своего исследователя, подробного описания.

Согласимся с доктором Велинской, что при тщательном изучении смирдинских книг могут случиться интереснейшие находки и открытия. Ведь никто еще даже не пролистал внимательно каждую из этих книг, безусловно, хранящих и интересные маргиналии, а возможно, и забытые между страницами записки, автографы, и кто знает, может быть, и пушкинские строки. Сотрудники Славянской библиотеки просто не имеют физической возможности своими силами подробно исследовать тысячи томов драгоценного собрания. Но в наши дни, когда так укрепляются и развиваются культурные и научные связи между странами, почему бы группе советских студентов и аспирантов не поработать несколько месяцев в Чехословакии с книгами Смирдина, тщательно просмотреть и описать каждую, составив в конечном счете полный аннотированный научный каталог бесценного культурного памятника.

Такой труд был бы тем более благодарен и полезен, что, к сожалению, слишком часто дипломные работы, кандидатские и даже докторские диссертации наших филологов становятся изложением давным-давно известного, повторением многажды пройденного. Подробное же исследование смирдинской библиотеки даст молодым ученым материал для подлинной научной работы и, без сомнения, послужит укреплению культурных связей между Советским Союзом и Чехословакией.

...Одну за другой листаю страницы книг с экслибрисами «Из библиотеки для чтения А. Смирдина». Какие интересные названия, какие баснословные года — «Правила латинского стихосложения. 1813 г. Харьков», «Любопытный художник и ремесленник. Москва, 1791 г.»; «Управитель или практическое наставление во всех частях сельского хозяйства. Москва. 1810»; «Отчет медико-филантропического комитета о домашнем лечении бедных и диспансариях в Санктпетербурге. 1805». А вот и книги современников Пушкина, русских поэтов, прозаиков, драматургов. Здесь, в старинном центре Праги, трудно представить себе, что они были свидетелями и главными участниками знаменитого новоселья библиотеки, «первой в России по богатству и полноте», о котором «Северная пчела» писала в 1831 году: «...г. Смирдин утвердил торжество русского ума и, как говорится, посадил его в первый угол: на Невском проспекте, в прекрасном новом здании, принадлежащем лютеранской церкви св. Петра, в нижнем жилье находится ныне книжная торговля г. Смирдина... Сердце утешается при мысли, что наконец и русская наша литература вошла в честь и из подвалов переселилась в чертоги!»

— Мы с великой бережностью храним наше сокровище,— говорит доктор Иржи Вацек.— Но мы и рады поделиться им с друзьями. Дело в том, что наше собрание содержит немало дублетов, то есть вторых экземпляров. Несколько лет назад Славянская библиотека подарила 100 смирдинских книг московскому Музею А. С. Пушкина. А когда создавался музей Пушкина в Словакии, в Бродзянах, мы передали туда много интересных экземпляров из «Смирдинского фонда». Будете в Бродзянах и увидите там эти книги.

ЗАМОК НА НИТРЕ

Первым из русских литераторов этот замок посетил Николай Алексеевич Раевский. О «пушкинском кладе» в небольшом словацком селе, в долине реки Нитры, Н. А. Раевский рассказал в широко известных работах «Если заговорят портреты» и «Портреты заговорили». Трудно было даже представить, что где-то в глубине Словакии находятся сотни реликвий, связанных с Пушкиным и его семьей. Но все объяснилось тем, что именно сюда, в Бродзяны (или Бродяны, как иногда называли это место), переехала в 1852 году, выйдя замуж за австрийского дипломата Густава Фризенгофа, любимая свояченица Пушкина, сестра его жены Александра Николаевна Гончарова. Н. А. Раевский был в Бродзянах по приглашению ее внука, графа Георга Вельсбурга. Стояла весна 1938 года.

«Мы въезжаем в ворота старого парка и останавливаемся перед замком. Граф открывает массивную дверь, окованную железными полосами. Берется за старинное кольцо, вставленное в львиную пасть. Не без волнения я переступаю порог замка, в котором десятки лет жила и закончила свои дни баронесса Александра Николаевна Фогель фон Фризенгоф, в прошлом Азя Гончарова. Что-то я увижу здесь...

Графиня Вельсбург, старавшаяся показать мне все, что могло меня интересовать, сняла с пальца старинное золотое кольцо с продолговатой бирюзой и сказала, что оно перешло к ней от герцогини (дочери А. Н. Гончаровой-Фризенгоф), а ей досталось от матери. Кольцо Ази Гончаровой, почти наверное то самое, о котором княжна Вера Федоровна Вяземская, жена друга Пушкина, когда-то рассказывала издателю «Русского архива», пушкинисту П. И. Бартеневу. Однажды поэт взял у свояченицы кольцо с бирюзой, несколько времени носил его, потом вернул.

А в ящичке с драгоценностями герцогини, именно в ящичке из простой фанеры... я увидел потемневшую золотую цепочку от креста, по словам хозяйки замка, тоже принадлежавшую Александре Николаевне. Доказать, конечно, невозможно, но, быть может, это самая волнующая из бродзянских реликвий...»

Так писал Н. А. Раевский, рассказывая далее и о многочисленных семейных портретах Гончаровых, Пушкиных и Ланских, которые он видел в Бродзянах, и о своих безуспешных попытках что-то узнать о документах, быть может, связанных с Пушкиным, в архиве замка, и о поисках его прижизненных изданий в огромной Бродзянской библиотеке, где был специальный русский шкаф. Но молодому исследователю довелось пробыть в замке лишь чуть больше суток. И он покинул его навсегда, ибо вскоре разразилась война.

Я подъезжал к замку, где жила и умерла Александра Николаевна Фризенгоф-Гончарова, почти через полвека после того, как побывал здесь Раевский. Еще в Москве историк Лев Сергеевич Кишкин, много сделавший для того, чтобы разыскать разбросанные войной бродзянские реликвии, автор специальных исследований о чехословацкой Пушкиниане, рассказал мне, что в недавно отреставрированном замке открыт музей А. С. Пушкина, куда в результате настойчивых поисков удалось вернуть некоторые предметы из Бродзян и другие материалы словацкой Пушкинианы.

Именно здесь, вдали от России, провела многие десятилетия и умерла Александра Гончарова, та Азя, которая приехала с сестрой Екатериной Николаевной в 1834 году из Полотняного завода в Петербург и прожила в семье Пушкина до его гибели, затем помогала Наталье Николаевне воспитывать детей. Она, конечно, знала тайну, сопровождавшую дуэль и гибель поэта, но никогда и никому эту тайну не открыла.

Александра Николаевна была женщиной умной, властной и решительной. Она очень любила семью Пушкина, Наталью Николаевну и своих племянников, и неудивительно, что они не раз приезжали сюда, в Бродзяны.

Значительность личности Александры Николаевны, а также подробности жизни ее в Петербурге и Бродзянах стали яснее после публикаций неутомимых писателей-пушкинистов И. Ободовской и М. Дементьева (им принадлежат наиболее значительные пушкиноведческие открытия последнего периода). Они, в частности, опубликовали письма, которые А. Н. Фризенгоф посылала своим родным в Россию.

12 ноября 1854 года было написано первое из дошедших до нас ее писем, отправленное из Бродзян. Адресовано оно брату — Ивану Николаевичу Гончарову, чей прекрасный портрет и сейчас висит в замке: «Не могу написать тебе ничего особенно интересного, принимая во внимание то уединение, в котором мы живем, дорогой и горячо любимый Ваня... Я так глубоко сожалею, что не знаю никого из твоих детей. Мне очень тяжело, что я им совсем чужая, принимая во внимание мою любовь к вам обоим, мои дражайшие, добрые друзья... Мы живем по-прежнему, очень довольные своей судьбой. Маленькая Таша (дочь Александры Николаевны, будущая герцогиня Ольденбургская, талантливая художница и поэтесса.— В.Е.) растет хорошо... Живя вдали от военных бедствий, мы страдаем только душою, когда какая-нибудь прискорбная неудача случается с русскими. Да ниспошлет им господь помощь в их неудачных сражениях и дарует им славную победу в обороне Крыма. Мысль о множестве семей, переживающих горе потери своих близких, заставляет нас содрогаться. Молодой Орлов и Андрей Карамзин — две жертвы, которые я искренне оплакиваю».

И. Ободовская и М. Дементьев, внимательно проанализировавшие все письма Александры Николаевны, сравнивая ее бродзянские послания с письмами петербургского периода, отмечают, что только в Бродзянах успокоилась «ее мятущаяся душа, нашедшая наконец свое счастье». Она жила в старом замке, окруженная портретами своих близких, бережно хранила альбомы с видами Москвы, Петербурга и Полотняного завода. Не знаем мы только, было ли хоть одно изображение Пушкина, хоть одна строчка, написанная его рукой, сохранены баронессой Фризенгоф. И это самая большая загадка замка Бродзяны.

И вот я иду по его комнатам, и воистину «минувшее меня объемлет живо». Изображения друзей, родственников и знакомых Пушкина. Очаровательный акварельный портрет Натальи Николаевны, созданный Гау в 1842 году; портрет Густава Фризенгофа, овальный портрет его жены (копия с оригинала, находящегося в Ленинграде), старинные фотографии, гравюры, акварели, дагерротипы.

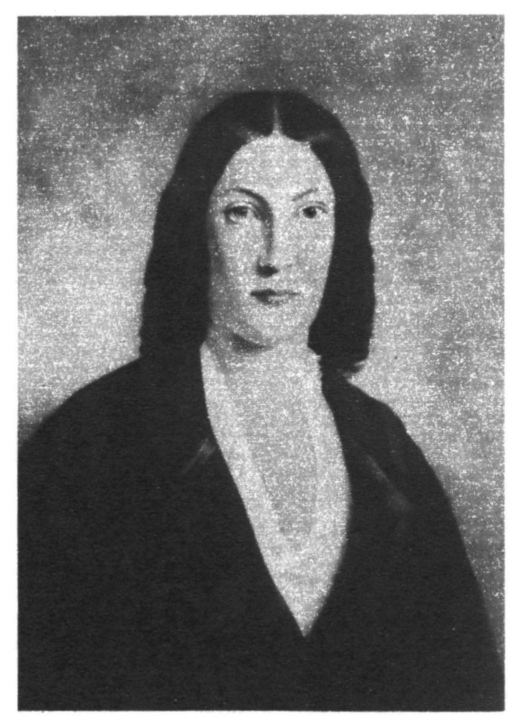
А в альбомах — десятки рисунков. Особенно интересны выполненные племянником П. П. Ланского, Н. П. Ланским, портреты Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской и ее детей — Марии, Григория, Александра и Натальи Пушкиных. Н. П. Ланской был опытным и умелым рисовальщиком; как замечает исследователь бродзянских портретов Л. П. Февчук, «его точные, правдивые, немного сухие рисунки графитным карандашом очень грамотного художника-любителя не вызывают сомнений в сходстве с оригиналом».

Невольно привлекает к себе внимание портрет младшей дочери поэта, пятнадцатилетней Натальи Александровны. Не раз писалось о ее удивительном сходстве с молодым Пушкиным и о ее лучезарной красоте. С. М. Загоскин вспоминал: «В жизнь мою я не видел женщины более красивой, как Наталья Александровна, дочь поэта Пушкина. Высокого роста, чрезвычайно стройная, с великолепными плечами и замечательной белизною лица она сияла каким-то ослепительным блеском. Несмотря на мало правильные черты лица, напоминавшего африканский тип ее знаменитого отца, она могла назваться совершенной красавицей, и если можно прибавить к этой красоте ум и любезность, то можно представить, как Наталья Александровна была окружена на великосветских балах...» И. С. Тургенев, которому Наталья Александровна передала для редактирования и публикации письма своего отца к матери, замечал о ней: «Удивительнее всего то, что младшая его дочь, оставшаяся полугодовалым ребенком после его смерти, эта самая графиня Меренберг, как две капли воды на него похожа».

Можно много и подробно рассказывать о бродзянских реликвиях — альбоме рисунков литератора и художника Ксавье де Местра, О. А. Кипренского, Г. Г. Гагарина, Н. И. Фризенгоф; альбоме с автографом стихотворения В. А. Жуковского «Мотылек и цветы» и его пейзажными зарисовками...

Сейчас работники музея А. С. Пушкина в Бродзянах готовятся издать некоторые альбомы, хранящиеся в замке. Среди них и этот альбом В. А. Жуковского. Но, учитывая огромный интерес ко всему, что касается Пушкина и его времени в нашей стране, было бы, наверное, целесообразно выполнить эту работу совместно чехословацким и советским издательствам возможно бо́льшими тиражами, чтобы и почитатели поэзии Пушкина в нашей стране имели возможность приобрести их для своих библиотек. А Всесоюзный музей А. С. Пушкина в Москве, уже давно не радовавший посетителей новыми значительными выставками, вполне мог бы организовать выставку бродзянских реликвий, приурочив ее, например, к 150-летию со дня гибели Пушкина, которое будет широко отмечаться через год.

Разве может не волновать воображение альбом с гербарием растений, собранных Н. Н. Пушкиной и ее детьми в Михайловском в 1841 году? Но особенно поражают чудом

Александра Николаевна Гончарова. 1830—1840 годы. Портрет неизвестного художника.

Г. Фризенгоф и А. Н. Фризенгоф-Гончарова. Бродзяны, 1880-е годы.

Дочь Пушкина Наталья Александровна пятнадцати лет. Рисунок Н. П. Ланского. Хранится в Бродзянах, 1852 год.

дошедшие до нашего времени карандашные отметки роста жены и детей Пушкина на одном из дверных косяков на втором этаже старого замка. Сотрудники музея рассказали мне, что после войны, когда в замке жили десятки семей, один из жителей Бродзян снял доску и сберег ее в своем доме. А теперь это одна из трогательных достопримечательностей музея. По ней мы можем судить, например, что рост Натальи Николаевны и ее дочери Натальи Александровны был одинаков — 173 сантиметра.

К сожалению, ни строчки, написанной рукой Пушкина, не сохранилось в Бродзянах. Но автографы поэта, его книги и рукописи должны были быть у Александры Николаевны. Так считали видные советские пушкинисты и особенно И. Л. Фейнберг, который первым из советских ученых поставил вопрос о спасении материалов, хранившихся в Бродзянах. Его вдова, литературовед М. И. Фейнберг, узнав, что меня интересует история розысков бродзянских реликвий, передала мне несколько документов из архива своего мужа, любезно разрешив впервые опубликовать некоторые из них. Эти документы проливают свет на историю поиска словацкой Пушкинианы в конце минувшей войны.

5 апреля 1945 года Пушкинская комиссия Союза советских писателей направила в действующую армию следующее письмо:

«Члену Военного совета II Украинского фронта генерал-лейтенанту Тевченкову.

В районе действия войск II Украинского фронта расположен замок Бродяни, в котором, возможно, находятся рукописи великого русского поэта А. С. Пушкина и другие ценные пушкинские материалы. Правление Союза советских писателей СССР и его Пушкинская комиссия обращаются к Вам с просьбой принять заблаговременно меры к сохранению находящихся в этом замке рукописей, книг и других культурных ценностей для того, чтобы обеспечить в дальнейшем возможность розысков среди них пушкинских материалов. В прилагаемой к настоящему письму специальной записке, составленной заместителем председателя Пушкинской комиссии ССП СССР профессором М. А. Цявловским приведены данные, указывающие, каким путем пушкинские рукописи и материалы могли перейти в собственность лиц, владевших до последних лет названным замком. Как видим из 2-й части прилагаемой объяснительной записки, кроме замка Бродяни, пушкинские рукописи и материалы могут быть обнаружены в Теплице, в Вене, а также в имениях Граупен и Винздорф в Богемии, которые в настоящее время находятся вблизи мест развивающихся военных действий. Поэтому мы просим содействовать выявлению этих материалов и принятии мер к охране материалов там находящихся. Союз советских писателей СССР уполномочивает члена ССП СССР майора Вильям-Вильмонта обратиться к Вам по этому вопросу.

Приложение, пояснительная записка.

Секретарь правления Союза советских писателей СССР Д. Поликарпов.
Секретарь Пушкинской комиссии ССП СССР И. Фейнберг».

Существенно, что такой знаток жизни и творчества Пушкина, как М. А. Цявловский, в пояснительной записке к письму советскому командованию уверенно заявил: «Александра Николаевна, несомненно, имела не один автограф великого поэта. Возможно, у нее были какие-нибудь документы, относящиеся к истории дуэли поэта и вообще имеющие отношение к жизни и творчеству Пушкина, не говоря уже о каких-нибудь реликвиях, вещах, портретах и т. п.».

В это же время И. Л. Фейнберг подготовил еще одно письмо, которое было направлено в Чехословацкую академию наук:

«Президенту Чехословацкой Академии наук господину Неедлы.

Союз советских писателей СССР обращается к Вам со следующей просьбой. Как нам стало известно, в 1934 году Чехословацкая Академия наук вела с графом Георгом Вельсбургом, владельцем замка Бродяни близ Нитры, переговоры о приобретении у него альбома, заполненного собственноручными рисунками и автографами Пушкина. Альбом этот перешел к графу Г. Вельсбургу по наследству, т. к. в числе его предков была баронесса Фризенгоф, сестра жены Пушкина, урожденная Александра Гончарова... Неизвестно, чем закончились эти переговоры. Есть только сведения о том, что приобрести этот альбом у графа Георга Вельсбурга хотел также граф Гаррах, живший в Вене, который является, по-видимому, также собственником и других автографов Пушкина. Союз советских писателей СССР просит Вас сообщить все, что возможно, о судьбе этого пушкинского альбома для того, чтобы можно было принять меры к тому, чтобы автографы великого поэта стали национальным достоянием русского народа. Одновременно с этим письмом мы обращаемся в Союзническую контрольную комиссию по делам Австрии с просьбой выяснить, не находятся ли возможные собственники пушкинских рукописей граф Г. Вельсбург и граф Гаррах на территории Австрии, а также с просьбой принять возможные меры содействия к переходу пушкинских рукописей в состав национального достояния русского народа».

Первое знакомство с этими важными документами вызывает ряд вопросов. И главный из них — о каком альбоме с рисунками и автографами Пушкина идет речь? Н. А. Раевский, который, как мы знаем, был в Бродзянах не в 1934-м, а в 1938 году, в своих работах ничего об этом альбоме не пишет, он его не видел и, по всей вероятности, о его существовании не знал. В то же время уверенность, с которой И. Л. Фейнберг, человек точный и весьма компетентный, заявляет об этом альбоме, позволяет думать, что вера ученого в реальность его существования зиждelась не на слухах и догадках, а на более точной информации.

Косвенное подтверждение этому находим в заметке И. Фейнберга, опубликованной осенью 1947 года в «Огоньке», «Дар чехословацких писателей». Он сообщает, что литературовед Н. Н. Вильям-Вильмонт, находившийся в рядах Советской Армии, побывал в Бродзянах для установления судьбы пушкинских материалов.

«Предположения М. А. Цявловского подтвердились: оказалось, что материалы, судьба которых нас интересовала, хранились там до последних лет. Обнаружить их на месте тогда не удалось. Однако Н. Н. Вильям-Вильмонт выяснил, что в числе этих материалов были портреты, письма и альбом с рисунками Пушкина... Принадлежавший Александре Николаевне альбом с рисунками поэта пока не обнаружен. Однако есть все основания к тому, чтобы продолжать розыски. Возможно, что в результате их будут обнаружены не только рисунки, но и автографы великого поэта».

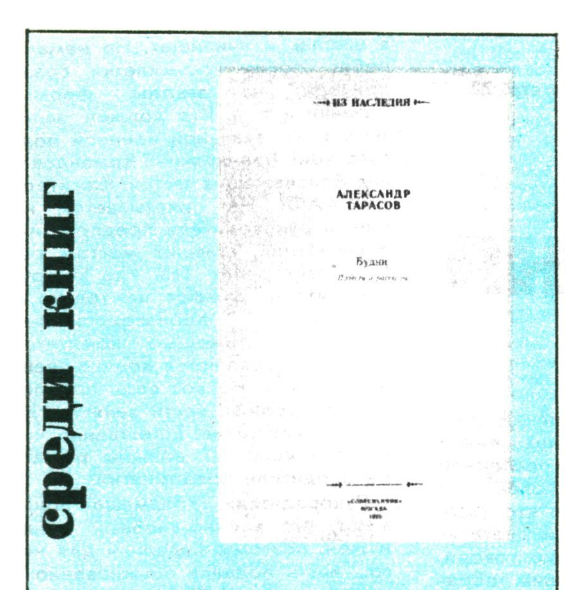
Но этого альбома и рукописей Пушкина нет среди бродзянских материалов, переданных в 1947 году в Пушкинский дом делегацией чехословацких писателей и журналистов, нет его и в современном музее А. С. Пушкина в Бродзянах, и в чехословацких архивах. Остается еще версия о некоем таинственном коллекционере графе Гаррахе, но она требует тщательной проверки. Конечно, возможно, что И. Л. Фейнберг ошибался и никакого альбома с автографами Пушкина в Бродзянах не было, но согласимся с лучшим ныне советским знатоком бродзянской Пушкинианы доктором исторических наук Л. С. Кишкиным: «...Из находившихся в Бродзянах пушкинских материалов... обнаружено и собрано пока далеко не все. Бродзянский архив лишь отчасти приоткрыл свою тайну».

Поразительно все же, как много реликвий, связанных с великим Пушкиным, сохранилось в Чехословакии. В Северной Чехии, в Теплице находится сейчас замечательная коллекция портретов друзей и знакомых поэта и родственников М. И. Кутузова. В Теплице долго жила и неподалеку в деревне Дуби похоронена Дарья Федоровна (Долли) Фикельмон, внучка Кутузова, приятельница Пушкина, жена австрийского посла в Петербурге, женщина незаурядного ума и обаяния. А отец Долли Фикельмон граф Федор Тизенгаузен, некоторые черты которого узнаются в характере князя Андрея Болконского, погиб в битве на аустерлицком поле близ современного Славкова. Пушкин не раз вспоминал знаменитое сражение и писал о нем в стихотворении «Наполеон».

Россия, бранная царица,
Воспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!

Прага — Братислава — Москва.

среди книг

ВОЗВРАЩЕННЫЙ ИЗ ЗАБВЕНИЯ

«Останусь жив — напишу хорошую книгу о войне. 25 сентября 1941 года».

Фронтовой корреспондент, писатель Александр Тарасов погиб через пять дней после этой короткой записи...

Сейчас дневник писателя хранится в Вологодском областном государственном архиве, а в издательстве «Современник» вышла книга повестей и рассказов Тарасова.

Драматична судьба этого человека, крестьянского сына из дальней вологодской деревни. «Пятнадцать лет неустанно заниматься самообразованием, извести горы бумаги, познать недолгий, но бесспорный успех и безоговорочное признание критики и — погибнуть, только-только выйдя на порог зрелости. А потом, посмертно,— оказаться забытым на многие годы...» — пишет в предисловии к книге ее составитель, земляк Александра Тарасова В. Оботуров.

Родился Александр Иванович Тарасов на рубеже века, в 1900 году. «9 человек, 1½ надела, хлеба до рождества»,— напишет он позже о своем детстве в кратких автобиографических заметках. Будущий писатель делал всю нехитрую крестьянскую работу, и ремонтником на железной дороге был, и плотником, и землекопом. В годы гражданской войны сражался с белогвардейцами. Потом учился в Петроградском народном университете, Вологодской губпартшколе.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов в печати появляются рассказы и повести Тарасова. Они писались по следам горячих событий в деревне — кануна коллективизации. Интересно, что это сложное время через много лет привлекло другого талантливого вологжанина, одного из больших писателей уже сегодняшнего дня — Василия Белова. В «Канунах» Белова — то же время, но уже в исторической перспективе.

Пожалуй, первым из советских писателей Александр Тарасов проявил интерес не только к труду и быту деревни, но и к нравственным, духовным традициям крестьянства русского Севера. Непростую жизнь проходят его герои. Порой встречаются на их пути и ядовитое жало клеветы и доноса, и нежная, целомудренная любовь, и разочарования, и радости. Их волнуют проблемы политические, нравственные и, что было довольно необычно для прозы начала тридцатых годов, экологические. Все это делает произведения Тарасова глубоко созвучными нашему времени, писатель во многом предвосхитил искания современной «деревенской прозы».

Однако критика того времени не сразу по достоинству оценила произведения Тарасова: они казались странными, необычными. Лишь перед войной пришло к писателю признание, но в сентябре сорок первого фашистский снаряд оборвал его жизнь...

Большую работу проделал составитель сборника вологодский критик и публицист В. Оботуров, чтобы вернуть из забвения произведения талантливого прозаика. Сборник сделан с бережной любовью к наследию Тарасова, вступительная статья и комментарии написаны с привлечением архивных документов, воспоминаний.

Книгу о войне Александр Иванович Тарасов написать не успел. Остались лишь первые главы повести о партизанах, военные очерки, записи в дневнике. Но написанное им и в первые месяцы войны, и в тридцатые годы принадлежит времени и отечественной литературе.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Александр Тарасов. Будни. Повести и рассказы. «Современник», М., 1985. 432 с.

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Вот как бывает в жизни — в сентябре 1985 года я рассказывал читателям «Огонька» о творческом пути фронтового товарища писателя-публициста Александра Юрьевича Кривицкого по поводу его семидесятипятилетия, а сегодня хочу сказать слово прощания...

Да, безвременно и внезапно перестало биться сердце замечательного писателя, одного из самых видных советских публицистов, Александра Юрьевича Кривицкого.

Вспоминая его, мы в первую очередь вспоминаем подвиг 28 воинов-панфиловцев, совершенный под Москвой в 1941 году. Первым страстно и горячо о нем рассказал в те опасные для советской столицы дни специальный корреспондент газеты «Красная звезда» Александр Кривицкий. Его передовая в военной газете была похожа на выстрел небывалой идеологической силы. Она не просто описывала подвиг, а звала на новые героические свершения. Слово о подвиге павших было обращено к живым и навеки вошло в историю нашей Родины.

Вслед за передовой А. Ю. Кривицкий выступил в «Красной звезде» еще несколько раз, подробно рассказав о героях-панфиловцах и о бое на разъезде Дубосеково. Вскоре вышла книга «Подмосковный караул», посвященная этой же теме. Думается, что одного этого было бы достаточно, чтобы имя Александра Юрьевича Кривицкого громко прозвучало по стране и миру и навсегда вошло в историю нашей литературы.

Александр Юрьевич был неутомим в работе и активно творил до самых последних дней своей жизни. После войны одна за другой выходят его книги, в которых он интересно и вдохновенно пишет то о рядовых героях, то о партизанах, то о выдающихся военачальниках Великой Отечественной. Далее следуют повести, в центре которых он ставит своих фронтовых друзей писателей Петра Павленко и Константина Симонова. Рождаются и издаются отдельными книгами международные памфлеты, впечатления о зарубежных поездках.

Нередко в эти напряженные годы А. Ю. Кривицкий выступает на страницах «Правды» и «Литературной газеты». Каждое его выступление крепко и прицельно бьет по нашим идеологическим врагам, разоблачает поджигателей войны.

В прошлом году вышел трехтомник его сочинений, в который вошли основные произведения писателя. А в Казахстане за несколько дней до кончины А. Ю. Кривицкого на экранах кинотеатров появился документальный фильм, посвященный героям-панфиловцам. Вступление к фильму сделал писатель.

Ушел от нас большой писатель, лауреат Государственной премии РСФСР. Нам остались его книги, осталось бессмертие людей, о которых А. Ю. Кривицкий так горячо писал.

П. ТРОЯНОВСКИЙ,
бывший военный корреспондент «Красной звезды»

Гости «Огонька»

ЕСТЬ ТАКАЯ ЭСТРАДА

Артист Москонцерта Вячеслав Кобзев — один из представителей молодого поколения эстрадных певцов.

Коллеги-журналисты рассказали мне, как в Туве попали случайно на концерт Кобзева, где произошла такая сцена. Вышла из строя аппаратура, и зрители, зная, что эстрадные певцы в таких случаях обычно не выступают, уже поднялись с мест, когда Кобзев остановил их: «Товарищи, народные песни, как русские, так и тувинские, наши деды пели и без аккомпанемента, и без микрофона. Обойдемся и мы без техники». И пел так, что зал не отпускал его.

— Вначале о микрофоне, Вячеслав. Вы сегодня часто обходились без него, и, говорят, это обычно для вас.

— Естественно. У меня не микрофонный голос. И вообще на микрофон у меня свой взгляд. Появился он как помощь оратору и артисту, выступающим на больших стадионах, открытых площадках. Никто не видел нужды в том, чтоб применять его в концертных залах с хорошей акустикой. Да, он резко усиливает голос, но он же и стирает его индивидуальную окраску, оттенки чувств.

— Судя по вашему репертуару, в котором есть и народные песни, и лирические, и военно-исторические баллады, старинные романсы, партии из популярных и забытых опер, вы не поклонник моды на современные ритмы?

— По-моему, моды на музыку просто не может быть. Моцарт и Чайковский не могут выйти из моды. О «моде» на музыку могут говорить те, кто не знает всех ее великих богатств, отсюда погоня за новеньким и часто заграничным, хотя за рубежом чрезвычайно популярны концерты исполнителей русской народной песни и оркестров народных инструментов. В разных странах мира выпускаются пластинки музыки народов СССР. Французский композитор и аранжировщик Поль Мориа выпустил диск «Вечная Россия»— двенадцать русских народных песен. Значит, дело не в моде, а в уровне музыкальной культуры зрителей, в степени их подготовленности, в воспитании их вкуса, а это лежит на нас, певцах, прежде всего.

...Мне вспомнился репертуар В. Кобзева. Песня начала прошлого века «Во субботу, в день ненастный», когда нельзя в поле ни боронить, ни пахать. В голосе певца звучит печаль за новобранца, которому так хочется напоследок всласть поработать, потому что идет он «на тот дальний, эх, да на Кавказ». Еще две песни — веселые, разудалые, подымающие настроение: «Яблонья, яблонья, зелена, кудрявая» и «Дуня-тонкопряха», где Вячеслав неожиданно менял свой густой звучный баритональный бас на игривый фальцет. А «Дубинушка»? Эту песню после Ф. Шаляпина исполнять трудно, и Вячеслав поет ее в манере великого певца и, как он сам говорит, «каждый раз с почтительным трепетом».

— С детства я слышал дома песни,— рассказывает Вячеслав.— Мать сама сочиняла колыбельные для нас, троих детей. Отец, шахтер, любил попеть после работы. На праздники собиралась вся огромная родня, целый день пели и плясали, и не было среди поющих хмельных. Отец, затягивая что-нибудь душевное, просил: «Только вы потише, потише».

В армии я был запевалой и регулярно получал призы на смотрах. А потом уже — и в музыкальном училище имени Гнесиных, и на уроках вокала, и на концертах — всегда помнил это умоляющее отцовское: «Только вы потише, потише...».

Народные песни — все высоконравственны, но воспитывают не в лоб, а исподволь, проникая в душу...

Вела беседу Л. ЖУКОВА.

СОЛДАТЫ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Начало см. на стр. 22.

юные уралмашевцы. Ледяные кирпичи для этого строительства выпиливаются на озере Балтым. И надо же так случиться, что один из рабочих упустил предназначенную для этого пилу: инструмент ушел на дно, и стройка замерла. Тогда-то и вспомнили об аквалангистах...

Семнадцатилетние братья Лихачевы — аквалангисты опытные, но ни Дима, ни Коля под лед еще не ходили. Как поведут себя на морозе акваланги, не пропустят ли холодную воду костюмы, не замерзнут ли воздушные клапаны? А что надевать под тонкий гидрокостюм: шубу, свитер, валенки? Чем светить в кромешной тьме, где и как искать эту чертову пилу? Словом, загадок было немало и многое делалось впервые, так что испытание предстояло нешуточное. Но больше всего меня поразило то, что поднял ребят с постели, привез на озеро, организовал всю эту работу и буквально столкнул в полынью их отец, сам прекрасный аквалангист, сотрудник одного из отделов завода и тренер-общественник.

Надо было видеть, как спокойно и деловито, ни секунды не сомневаясь в успехе, но все же в последний момент зажмурив глаза, Коля и Дима бултыхнулись в прорубь. Через несколько минут они вынырнули, отдышались, поправили маски — на морозе резина стала ломкой, поэтому кое-где подтекала вода,— и снова ушли под лед. На термометре минус тридцать, солнце хоть и выкарабкалось из чащобы, но вовсе не для того, чтобы греть, к тому же с далекого берега потянул пронизывающий, колючий ветер. Мы изрядно промерзли, не спасали ни валенки, ни перчатки, и только от старшего Лихачева валил пар, а все лицо было в крупных каплях пота.

Когда ребята вынырнули с трофеем, отец обнял их, мокрющих, счастливых, и расцеловал прямо сквозь маски. Да, ничего не скажешь, хороший урок всем родителям, сдувающим пылинки со своих чад! Через год Диме и Коле идти в армию, не сомневаюсь, что их направят на флот и они не посрамят славы родного «Уралмаша». Но самое главное, они начнут службу не с нуля, практически у них уже есть воинская специальность, а это значит, что и служить им будет легче, и отдача будет куда больше.

Вот так сама жизнь подбросила сюжет о прикладном значении военно-технических видов спорта, культивируемых на «Уралмаше». Как известно, этому гигантскому заводу уже пятьдесят три года. Буквально через месяц после пуска предприятия в заводской многотиражке «За уральский блюминг» писалось: «Рабочие механического цеха на открытом собрании решили оживить работу Осоавиахима, как лучший подарок уходящим в ряды Красной Армии». Уже через три месяца газета сообщала: «Все допризывники прошли по линии Осоавиахима 120-часовую программу и лагерный сбор. Настроение допризывников показало огромное желание молодежи служить в Красной Армии».

...Кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, один из известнейших кузнецов Урала, Т. Л. Олейников, вспоминает:

— В пору моей молодости состоять в Осоавиахиме было почетно. А парней, которые имели значок «Ворошиловский стрелок», знал весь завод. Кадровых военных для подготовки допризывников не хватало, поэтому привлекали демобилизованных из армии. В 1936 году инструктором Осоавиахима стал и я. Пятьдесят лет прошло с той поры, а я до сих пор не порываю связей с Осоавиахимом, ныне ДОСААФом, и все силы отдаю воспитанию достойной смены.

В заводском коллективе ДОСААФ сейчас более тридцати тысяч человек. Есть среди них мастера спорта, спортсмены-разрядники, составляющие гордость Урала и даже защищающие спортивную честь страны. Но главное, на «Уралмаше» серьезно занимаются военно-патриотическим воспитанием молодежи — это и есть основная тема нашего репортажа. Должен признаться, что вначале, изучая документы, читая рапорты, разглядывая дипломы и кубки, я порадовался за уралмашевцев, но после многочисленных встреч и откровенных бесед понял, что недостатков и нерешенных проблем здесь немало.

Итак, что должен, что может и что реально делает коллектив ДОСААФ для военно-патриотического воспитания молодежи и ее подготовки к службе в Вооруженных Силах Советского Союза?

Для начала вспомним, как расшифровывается аббревиатура ДОСААФ и какие задачи ставятся перед этой организацией. Откроем Советскую Военную Энциклопедию: «ДОСААФ СССР — Всесоюзное ордена Ленина Краснознаменное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту, массовая оборонно-патриотическая организация трудящихся, имеющая своей целью содействие укреплению обороноспособности страны и подготовку советского народа к защите социалистического Отечества».

Послушаем председателя заводского комитета ДОСААФ В. Л. Куликова:

— Работа коллективов ДОСААФ идет по четырем основным направлениям: военно-патриотическое воспитание, подготовка молодежи к службе в Вооруженных Силах, подготовка для народного хозяйства профессий, имеющих военно-прикладное значение, развитие военно-технических видов спорта. С выполнением последней задачи дело обстоит более или менее благополучно, но что касается других сфер нашей деятельности, то тут, откровенно говоря, дела обстоят не лучшим образом. А если по-честному, то и с развитием технических видов спорта не все ладно. Есть секции, в которых занимается лишь по восемь — десять человек. Разве это нормально?! Чтобы выставить команду на городские соревнования, людей хватает, но за их спиной пусто. И уж совсем никуда не годится, когда в официальные отчеты и даже книги попадает откровенная липа. Вот, например, книга «И люди, как металл!». Не так уж часто выходят книги о первичных организациях ДОСААФ. И, конечно, мы порадовались. Но когда прочитали, что у нас есть секция дельтапланеризма, что за последние годы проведено около двух тысяч соревнований, в которых участвовало более шестидесяти тысяч юношей и девушек, честное слово, стало стыдно. Какие шестьдесят тысяч? Откуда? А дельтапланов у нас в помине нет и, видимо, не будет: на Урале ни одной лысой горы, так что летать просто негде.

Мы не хотим и не будем прятаться за дутыми цифрами и несуществующими достижениями. Этим делу не поможешь. Я убежден, что наша главная задача — военно-патриотическое воспитание молодежи и ее подготовка к воинской службе. А получается совсем не так. Вы думаете, с нас кто-нибудь спрашивает, умеет ли допризывник плавать, стрелять, бегать на лыжах, прошел ли он вообще курс начальной военной подготовки? Нет, не всегда. А вот попробуй мы не выполнить план по подготовке телерадиомехаников или шоферов, имеющих право водить грузовик с прицепом, я уж не говорю об автомобилистах-любителях, тут же вызовут на ковер. Почему? Да потому, что эти курсы платные.

Я уже говорил, что наша работа во многом оставляет желать лучшего, но кое-какой опыт есть, хотя нерешенных проблем достаточно. Побывайте на военно-учебном пункте, думаю, что пищи для размышлений найдете немало,— закончил В. Л. Куликов.

Что такое военно-учебный пункт? Есть в Советской Конституции такие слова: «Защита социалистического Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР... Воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР — почетная обязанность советских граждан». В соответствии с этой статьей каждый юноша до призыва в армию должен пройти первоначальную военную подготовку. Учащиеся ПТУ, а также 9—10-х классов проходят эту подготовку в школах и училищах. Но немало ребят после восьмилетки сразу приходит на заводы, фермы, стройки и т. д. Кто должен заниматься их начальной военной подготовкой? Военкоматы? Командование близлежащих частей? Комитеты ДОСААФ? Нет, оказывается, не они, а руководители предприятий, организаций, ставших местом работы этих ребят. Там, где эти руководители думают не только о выполнении производственных планов, с помощью комитетов ДОСААФ создаются военно-учебные пункты. Но вот ведь проблема: кто должен вести занятия, где найти помещение. Естественно, что все эти вопросы должны решать руководители предприятий.

Руководители «Уралмаша» понимают, что военно-учебный пункт нужен, поэтому выделили для него... часть подвала обыкновенного жилого дома. Спускаемся вниз. В коридоре стоит дневальный, в классах идут занятия по тактике, топографии, изучается устройство автомата. Все делается четко, спокойно, выверенно. Чувствуется, что дело отлажено до мелочей. Всюду порядок и прямо-таки корабельная чистота. На стенах плакаты, карты и фотографии ребят, которые проходят службу на кораблях и в частях Советской Армии. Тут я и познакомился с высоким, седым человеком в военной форме, начальником военно-учебного пункта капитаном Оборотовым.

Его кабинет — выгороженная комнатенка без единого окна. Обстановка предельно скромная, здесь ничего лишнего, кроме... двух спрятанных в углу крепко сработанных палок для хромых. И тут я вспомнил, что мне рассказывали о хозяине кабинета. Эдуард Николаевич родом из Тихвина. Семнадцатилетним пареньком в ноябре сорок первого в составе батальона поднялся в штыковую. Эсэсовцев отбили, но в окопы вернулось чуть больше двадцати человек. Потом воевал в разведке, не раз ходил за «языками», несколько раз был ранен, а однажды... убит и даже похоронен. В поселке Грузино Новгородской области есть его могила под номером 327. Но разведчик чудом выжил, вернулся в строй и дошел до Кенигсберга. Потом учился, служил, получил звание капитана, а в 1961 году был вынужден уйти в запас. В тридцать семь лет — без профессии, а на руках семья. Трудные дни пришлось пережить капитану, очень трудные, но он сумел их одолеть. Стал работать на «Уралмаше» учеником расточника, вышел в передовики. Но раны и контузии давали себя знать все чаще. Врачи категорически посоветовали уйти из цеха. Куда? Кем?

— В семьдесят втором на «Уралмаше» создали военно-учебный пункт,— рассказывает Эдуард Николаевич.— Вспомнили о моем фронтовом опыте, знали, что я давно вожусь с подростками, вот и пригласили инструктором. Я с радостью согласился. Почему с радостью? Ребят люблю. Особенно ершистых, занозистых, попадающих во всевозможные передряги.

— Иными словами, трудных?

— Нет,— хлопнул он по столу.— Я такого слова не знаю. Ерунда все это. Нет никаких трудных. От беспомощности взрослых это, от лени, которую лживо объясняем занятостью, от того, что сами подаем дурной пример, а потом

охаем: откуда у них такое, мы им и то и это, а они, неблагодарные, все наперекор, мы в их годы были ангелочками, а эти на нас не похожи. Неправда это! Уж я-то знаю, что вытворяли иные их сверстники в послевоенные годы, без финки на улицу не выходили. А теперь стали святошами, да и то на словах. Вы думаете, ребята не видят изъяны нашего времени?! Поэтому у меня кредо: говорить им правду, и не просто говорить, а объяснять. Но иной раз даже я не могу объяснить самой ерундовской ерунды. Спрашивает меня как-то одно голубоглазое чудо, да еще прилюдно: «Товарищ капитан, я ни разу не видел вас в нашем цехе, а в ведомости на зарплату наши фамилии рядом. Оказывается, вы работаете лаборантом. Неужели все время в третью смену?» А ведь паренек попал в самую точку: действительно, мне поручили заниматься этим важным делом, а числюсь я лаборантом. Этот подвал... Вы не представляете, чего стоило отвоевать его и оборудовать. Но у нас есть хоть такое помещение, а на иных заводах нет и этого.

— А как же выполнять статью Конституции?

— Как?! — побледнел Оборотов.— Спросите у директоров заводов, а заодно и в городском комитете ДОСААФ.

— Выходит, молодые рабочие «Уралмаша» идут в армию подготовленными, а представители других предприятий, если так можно выразиться, сырыми?

— Да. Вот вам доказательства!— И Эдуард Николаевич протянул толстенную папку.— Здесь письма из частей, где служат уралмашевцы: пишут и сами ребята, и их командиры.

Каждый, кто служил в армии, знает, как непросто складываются первые дни, недели, а то и месяцы: подъемы, отбои, хронический недосып, все сержанты и старшины кажутся излишне строгими, да и офицеры непохожи на папеньку. А если не сложились отношения с соседями по кубрику или казарме, если не выдерживаешь марш-броска или не можешь пришить подворотничок и отутюжить форму, если роняешь слезы на картошку, которую надо начистить на всю роту, а над тобой посмеиваются — все, жизнь кажется конченой.

Эдуард Николаевич все это пережил сам, да еще во фронтовой обстановке, поэтому он в обязательном порядке пишет командиру каждой части, каждого подразделения, где служат его воспитанники, рассказывает о сильных и слабых сторонах ребят, особенностях их психологии, при этом просит не забыть поздравить с днем рождения, напомнить, что на заводе их ждут, что сообщения об их успехах печатаются в заводской газете. Идет переписка и с самими ребятами.

«Здравствуйте, Эдуард Николаевич! Вы спрашиваете, помню ли я вас? Еще бы! Конечно, помню, и вас, и наш военно-учебный пункт. До чего же полезная штука этот пункт: приходишь в армию, почти все зная — и автомат, и уставы, и ходишь, как человек. Я уже не говорю о физической подготовке. Но самое главное: я быстро влился в коллектив.

Службу несу в основном караульную. Сперва было трудно, особенно ночью да в мороз, но постепенно привык. Ребята во взводе подобрались отличные, и нам уже не раз объявляли благодарность.

Как ваше здоровье? Не болейте! Вы нашим парням очень нужны! Рядовой В. Собянин».

«Здравия желаю, товарищ капитан! Только что вернулся из командировки, а в штабе на самом видном месте ваше поздравление с Новым годом. Огромное вам спасибо! Как там у вас дела, как новая группа, как учатся? Наверное, встречаются лоботрясы, как и у нас: приходят, лишь бы отсидеть. Передайте им, чтобы учились как следует, а то в армии придется раскаиваться. Особое внимание — на строевую подготовку, уставы и тактику. Здесь это, ох, как пригодится.

Я уже работаю самостоятельно механиком дальней связи. Работа непростая, но интересная, аппаратура новая, сложная, так что дел хватает. Я решил поступать в военное училище и стать офицером. Как только получу звездочки на погоны, покажусь. Обязательно покажусь!

Ваш ученик Ю. Смолин».

«Эдуард Николаевич! Пишет вам Андрей Васильев, надеюсь, не забыли такого. Хочу поблагодарить вас за все, чему вы меня научили. Многое из этого пригодилось в армии и, я уверен, пригодится в дальнейшем. Служба идет, как вы нас учили, на «хорошо» и «отлично». Иногда, правда, бывает и «удовлетворительно», но я обещаю исправиться и вернуться не рядовым, а минимум сержантом.

За полгода побывал в двадцати шести нарядах, из них четыре внеочередных. Но у кого их не бывает? Недавно наш стройбат ездил в те места, где здорово тряхнуло. Поработали на славу, и последствия землетрясения устранили полностью. Жду ответа».

И таких писем — сотни. Почти в каждом конверте фотография. Надо видеть этих бравых матросов, танкистов, пограничников! Ребята гордятся формой, с удовольствием сообщают о своих успехах и откровенно признаются в промашках. Домой таких писем они не отправляют, это уж точно, ведь в Эдуарде Николаевиче они видят не только учителя, но и старшего друга, который внимательно выслушает, все поймет и даст дельный совет. Какое это счастье для молодого человека — иметь такого друга! Но и какая ответственность — быть этим другом!

А вот другие письма, они от командиров частей, где служат воспитанники Эдуарда Николаевича.

«Уважаемые уралмашевцы! Отрадно сообщить вам, что в нашей части проходит службу бывший рабочий «Уралмаша», а ныне рядовой Константин Никифоров. За время службы Константин зарекомендовал себя только с положительной стороны. Ему понадобилось всего несколько месяцев для освоения сложной боевой техники. Душевная чистота, уважение старших, четкость в работе позволяют Константину идти в авангарде соревнования. Он отличник боевой и политической подготовки. Технику и оборудование содержит в образцовом порядке.

Константин обладает хорошими волевыми качествами, он всегда находится там, где трудно, и при этом никогда не гнушается черновой работы. Скромность, трудолюбие, уравновешенность — вот основные черты его характера. По итогам года рядовому Никифорову предоставлен краткосрочный отпуск с выездом на Родину, так что к Новому году он обязательно посетит родной «Уралмаш».

Коллектив «Уралмаша» может гордиться тем, что в своих стенах готовит прекрасных воинов. Особенно ценно то, что вы находите время, чтобы поинтересоваться жизнью и службой ваших рабочих. Письма, которые вы присылаете, становятся достоянием всех солдат, они согревают их души, дают заряд бодрости для решения сложных и ответственных задач, которые стоят перед ними.

Врио командира.
Зам. по политчасти».

Еще письмо. Оно с более конкретным обратным адресом.

«Дорогие товарищи, труженики прославленного «Уралмаша»! Большое спасибо за поздравление, которое вы прислали воспитаннику завода, ныне воину нашего трижды орденоносного соединения рядовому Александру Карасеву. Ваше письмо было зачитано перед личным составом роты, в которой он проходит службу.

Мы, воины, выполняющие интернациональный долг на территории Афганистана, радуемся каждой весточке с Родины. Письма, пришедшие из родных мест, солдаты слушают внимательно, вспоминают в эти минуты своих близких, друзей, товарищей по работе. Лица становятся серьезными, ребята взрослеют.

Воспитанник вашего завода Александр Карасев с честью и достоинством выполняет свой воинский и интернациональный долг. Являясь отличником боевой и политической подготовки, оказывает помощь молодым воинам, он пользуется заслуженным авторитетом среди сослуживцев.

Командир части.
Начальник политотдела».

А вот письмо с Севера:

«Уважаемые товарищи! С удовлетворением сообщаем, что ваш земляк Вячеслав Лойко с первых дней пребывания на борту большого противолодочного корабля «Адмирал Юмашев» Краснознаменного Северного флота зарекомендовал себя как добросовестный, дисциплинированный, исполнительный воин. В короткий срок изучил свое заведование, был допущен к несению вахты, а вскоре стал классным специалистом, приобрел прочные навыки в работе со сложной боевой техникой.

Вячеслава отличают высокая работоспособность, техническая грамотность, умение стойко переносить тяготы и лишения военной службы. Эти качества особенно ярко проявились во время многомесячного плавания корабля, в условиях экстремальных нагрузок. Комсомольца В. Лойко отличают высокая сознательность, ответственность перед организацией и товарищами, общественная активность. Честный, принципиальный, скромный, отзывчивый, внимательный к товарищам, Вячеслав пользуется заслуженным авторитетом у командования, всего коллектива боевой части и корабля в целом. Будем ждать и с удовольствием примем в наш коллектив новых уралмашевцев, таких, как Вячеслав Лойко.

Командир боевой части».

Но не все, далеко не все письма из частей и с кораблей имеют благодарственно-восторженный характер. Вот, скажем, что сообщает командир одного из подразделений:

«На ваш запрос сообщаю, что Юрий С... проходит службу во вверенном мне подразделении с мая 1985 года. Претензий со стороны командования не имеет, вот только как солдат ваш воспитанник оказался совершенно неподготовлен. Во-первых, напрочь отсутствует какая бы то ни было физическая подготовка. Во-вторых, в морально-психологическом отношении мало приспособлен к тяготам и лишениям воинской службы.

За оставшиеся полтора года я, конечно, подтяну вашего воспитанника и сделаю из него настоящего воина, но проблем, как видите, немало. И еще. Заставляйте ребят бегать кроссы, заниматься с гирями и гантелями, учите, как говорят спортсмены, терпеть».

— Ну, что скажете? — спросил Эдуард Николаевич, когда я отложил письма.

— Да-а, подумать есть о чем.

— То-то и оно. Уж если есть нарекания на моих ребят, могу представить, в каком «восторге» командиры от тех, кто не получил хорошей начальной военной подготовки.

— Что же делать? У вас есть предложения?

— Есть. И я их не раз высказывал. Пора кончать с кустарщиной. Нужно создавать районные, а в городах и межрайонные военно-учебные пункты. Выделить для этого соответствующее помещение, оборудовать его по последнему слову науки и техники, подобрать толковых инструкторов — и дело пойдет на лад.

— Так в чем же дело? Почему вас не поддерживают?

— Денег, говорят, нет,— безнадежно махнул он рукой.— Не на том экономим, ох, не на том... Вы были в нашем Дворце культуры?

— Был.

— Сплошной мрамор, бархат и тому подобное. А неподалеку барак, к которому и подойти-то можно только по тропинке. Вы бы видели, какие колонны тянутся туда после работы. В бараке — тир, а стрельба — самый популярный вид спорта на заводе. Срамота это, а не тир, санинспекция и то не раз его закрывала. Я уж не говорю о наших мотоциклистах и автогонщиках—они ютятся черт-те где... Есть еще одна проблема: летний военно-спортивный лагерь. Существует он уже семнадцать лет, а если учесть, что каждое лето через него проходит около трехсот подростков, нетрудно подсчитать, сколько хорошо подготовленных солдат дали мы армии. Ребята носят специальную форму, несут «караульную» службу, участвуют в военных играх, осваивают мотоцикл, стреляют, плавают, бегают кроссы. Командиры у них — рабочие завода, являющиеся офицерами запаса. Есть и демобилизованные сержанты. Это самые настоящие энтузиасты, влюбленные в детей. Но если б вы знали, как трудно идет нам навстречу администрация, чтобы освободить их от работы на летний период!

Так вот, не исключено, что этот лагерь очень скоро прикроют. Во всяком случае, мы никогда не знаем заранее, сможем ли вывезти туда ребят. Места на озере Таватуй красивые, поэтому претендуют на эту базу то туристы, то спортсмены, то еще кто. Печальный опыт, к сожалению, уже есть: несколько лет назад ликвидировали городской военно-спортивный лагерь. Городской! И то не отстояли. А наш всего лишь заводской...

И вдруг Эдуард Николаевич преобразился! Он встал, взял увесистую палку, заметно прихрамывая, прошелся по кабинету, потом сел и с заметной гордостью продолжал:

— Я сказал, что наш лагерь всего лишь заводской. Сказал, и мне стало как-то неловко. Что значит: всего лишь? Завод-то какой! «Уралмаш»! Тот самый «Уралмаш», который еще Горький назвал заводом заводов, на знамени которого семь советских и три иностранных ордена, который в сорок третьем послал в Уральский добровольческий танковый корпус, дошедший до Берлина, а потом и Праги, сотни своих лучших рабочих, который воспитал одиннадцать Героев Советского Союза, в том числе легендарного разведчика Николая Кузнецова, да и ныне уралмашевцы трудятся на славу. А проблемы... У кого их нет! Но надо их решать, решать всем миром, сообща, решать во имя того, чтобы нашим сыновьям и внукам не довелось пережить того, что выпало на нашу долю. И если кому-нибудь вздумается проверять нас на прочность, молодежи надо быть к этому готовой, настолько готовой, чтобы раз и навсегда отбить охоту проверять. В этом наша главная задача, в этом суть содействия армии, авиации и флоту.

не смешно

КОРОТКАЯ ПАМЯТЬ

Рис. Э. Десятник

Три месяца назад Федора Николаевича Андреева проводили на заслуженный отдых. И как проводили! В стенгазете в рамочке из полевых цветов была наклеена его фотография 13 × 18 и написаны такие слова о нем, какие Андреев прочитал впервые за все шестьдесят лет своей жизни.

И в день проводов на пенсию в клубе треста собралось множество сотрудников. Федора Николаевича усадили в кресло на сцене, а его сослуживцы начали состязаться в красноречии.

Выступил директор Тимофей Павлович. На этот раз он говорил без бумажки. И сказал следующее:

— Дорогой Федор Николаевич! Нам очень жаль расставаться с вами — отличным работником и хорошим товарищем. Дорогой Федор Николаевич, от души бьем вам земной поклон,— директор, с трудом сломавшись в талии, картинно поклонился,— и от души желаем крепкого здоровья, доброго отдыха и большого человеческого счастья!

Переждав шумные аплодисменты, директор продолжал:

— Дорогой Федор Николаевич! Помни,— перешел он с Андреевым на «ты»,— помни: наш трест навсегда остается для тебя родным домом. Тут все твои друзья, и я занимаю среди них не последнее место... Знай, Федор Николаевич, что бы с тобой ни случилось — радость или, не дай бог, беда,— мы все поспешим к тебе на помощь!

После этих проникновенных слов директор обнял Федора Николаевича, трижды расцеловал и вручил купленного на собранные у сотрудников деньги... орла.

Да, деревянного орла! Этот орел величиной с курицу сидел на скале, похожей на чайник без ручки. Орел расправил крылья, слегка приоткрыл хищно изогнутый клюв, а его злые глаза смотрели на окружающий мир агрессивно и подозрительно. Орел и скала были покрыты коричневым блестящим лаком и сверкали, как хорошо натертый паркет. Федор Николаевич взял дорогой (точнее, дорогостоящий) подарок, поблагодарил Тимофея Павловича и гордо посмотрел в ту сторону, где сидели его жена и дочь...

Три месяца Андреев жил воспоминаниями об этом самом памятном вечере своей жизни, изредка поглядывая на страшного орла, расправившего крылья над сервантом.

Первое время Андреев отдыхал с удовольствием, а потом начал тяготиться вынужденным бездельем. Ни для забивания «козла», ни для бессменной вахты у телевизора он еще не созрел, а все, что он хотел прочесть, прочел.

И тогда Андреев решил пойти в трест, в свой «родной дом». И предложить свои услуги пускай не на целый рабочий день, а на половину.

— Слушаю вас,— послышался в трубке суховатый голос Тимофея Павловича.

— Здрасьте, дорогой Тимофей Павлович,— волнуясь, произнес Федор Николаевич,— вас беспокоит Андреев!

— Кто? — не понял директор.

— Андреев.

— Какой Андреев?

— Федор Николаевич! Которому вы орла подарили.

— Какого орла? — продолжал не понимать Тимофей Павлович.

— Деревянного. Когда на пенсию провожали,— начал торопливо объяснять Федор Николаевич.— Еще сказали: «...что бы ни случилось, радость или, не дай бог, беда...»

— Ах, Андреев,— наконец вспомнил директор.— Федор?..— Он замялся.

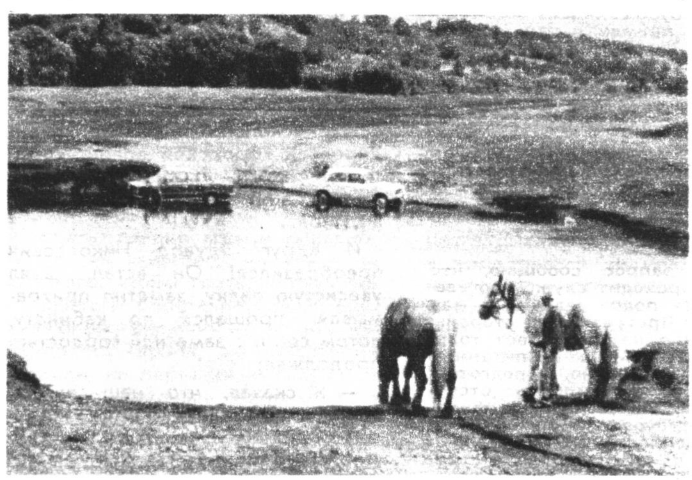
— Николаевич,— подсказал Андреев.

— Да-да, действительно, Федор Николаевич,— подтвердил директор.— Так что же у вас случилось?

— Ничего! — тихо сказал Андреев и повесил трубку...

Я. ЗИСКИНД

улыбки фотографа

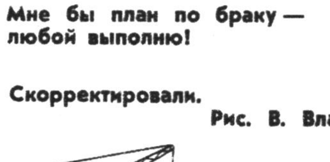

Водопой. Фото С. Устинкина

Фото А. Панфиля Компетентное жюри.

Мне бы план по браку — любой выполню!

Скорректировали. Рис. В. Владова

Без слов.

Без слов.

Рис. В. Воеводина

калейдоскоп

БАБУШКА И ВНУЧЕК

Только на минуту Елена Дмитриевна Иванова, жительница города Уральска, оставила своего полуторагодовалого внучонка Юру без присмотра — Елена Дмитриевна вышла из квартиры и спустилась вниз, чтобы выбить половики.

А Юра, оказывается, только этого и ждал. Убедившись, что он остался один, малыш тут же выбрался на балкон, куда его ни разу не пускали прежде. В самом деле, было очень интересно посмотреть, что же делается там, во дворе. Встав на табурет, Юра перегнулся через перила и с отчаянным криком полетел вниз. Елена Дмитриевна подняла голову и обмерла. В этот же момент Юра на какие-то несколько секунд зацепился за бельевые веревки, протянутые над одним из балконов. Это спасло ему жизнь. Мгновенно оценив ситуацию, Елена Дмитриевна тут же смогла представить, куда упадет Юра, и поймала его на лету.

Врачи «Скорой помощи», быстро оказавшиеся на месте происшествия, не нашли у Юрика даже малейших повреждений. А вот бабушке пришлось оказать помощь — еще долго отпаивать ее валерьянкой...

«Я НЕ МОГУ ИНАЧЕ...»

Ну как не посочувствовать жителю Сахалина В. Сурмачевскому, который на страницах газеты «Советский Сахалин» рассказал вот какую историю.

...В тот день был покос. Работа шла споро, настроение поднимала музыка, льющаяся из транзистора «Нева-402», который Сурмачевский захватил с собой из дома.

Где-то ближе к полудню был объявлен перекур. Этого, оказывается, терпеливо ждали две затаившиеся в траве вороны. Как только «Нева» осталась без присмотра, одна из ворон незаметно подобралась к транзистору, спокойно взяла в клюв кожаный ремешок и без труда поднялась вместе с «Невой» в небо. Лишь когда в небе зазвучала песня в исполнении Валентины Толкуновой, люди осознали, что же произошло. Словно в насмешку транзистор повторил несколько раз одну и ту же фразу из песни. «Я не могу иначе...» — неслось из поднебесья...

Полагая, что ворона быстро устанет, Сурмачевский кинулся за ней. В этот момент другая ворона подхватила целлофановый мешочек с завтраком, который ему заботливо был приготовлен дома, и устремилась вслед за подругой. Опешив от такой наглости, сахалинец только и сделал, что развел руками.

Проворонил он и завтрак, и транзистор — что и говорить...

БЫВАЮТ ЛИ ЧЕРНЫЕ ВОЛКИ?

Говорят, что в массивах Октябрьских лесов, что в Белоруссии, черные волки были впервые замечены лет десять тому назад. А три года назад охотник Трофим Сенько метким выстрелом сразил одного из них. Это была большая черная волчица.

Откуда же появились черные волки? По мнению ученых, они не являются какой-то новой разновидностью обычного волка. А изменение окраски связано с генетическими свойствами организма волков, способного к частичной или полной утере синтеза красящих пигментов. Но вот что интересно. Черные волки абсолютно не боятся огня или, например, красных флажков. В отличие от своих серых собратьев они реагируют на них вполне спокойно. Точнее, просто не замечают их; загнав одну из черных волчиц в оклад, охотники попытались остановить ее традиционными красными флажками. И что же? Она спокойно переступила через заповедную черту и скрылась в чаще. Есть и другие аналогичные примеры. Как это объяснить? Почему черные волки не обладают многими качествами серых волков? Ученые предлагают пока только гипотезы...

По материалам средств массовой информации и сообщениям корреспондентов «Огонька» подготовил к печати **Д. ОЗАРЕВСКИЙ.**

калейдоскоп

Фразы

Могут ли денежные знаки одновременно являться знаками внимания?

Входя в доверие, соблюдайте очередь!

И человека в футляре можно съесть, если заставить его выйти из себя.

Следя за собой, соблюдайте конспирацию!

Скромность особенно хорошо украшает человека, если о ней упоминается в характеристике.

Вставлять палки в колеса — это пережиток или хобби?

Чем надежнее мужчина, тем лучше из него веревки вить.

Н. НИКИТИН

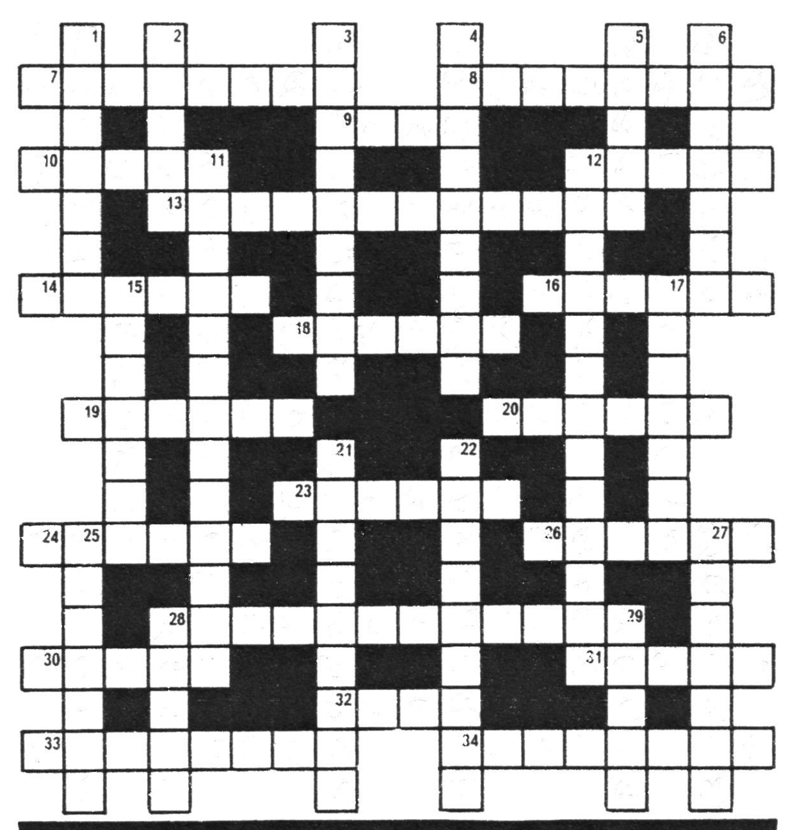
Если есть отчетный период, значит, есть и безотчетный?

Бюрократ и Солнцу может сказать: «Зайдите завтра».

Зазнавшемуся даже голос совести поет дифирамбы.

Не согласиться с мнением начальника очень просто. Надо только не подать вида, что ты с ним не согласен.

Анатолий РАС

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Героиня кинофильма «Член правительства». 8. Ввод пучка заряженных частиц в ускоритель. 9. Кинорежиссер, народный артист СССР. 10. Советский физик, академик, один из основоположников квантовой электроники. 12. Река в Западной Африке. 13. Внешнее очертание. 14. Постановление Советской власти в первые годы революции. 16. Садовое декоративное растение, цветок. 18. Фотография. 19. Нотный знак. 20. Пресноводная рыба семейства карповых. 23. Опера Ж. Бизе. 24. Спортсмен, путешественник. 26. Рассказ М. Горького. 28. Раздел метеорологии. 30. Народное собрание у древних греков. 31. Город в Казахстане. 32. Минеральная краска. 33. Разновидность грузового автомобиля. 34. Областной центр в Узбекистане.

По вертикали: 1. Французский драматург XVIII века. 2. Открытый прилавок для торговли на улице. 3. Повесть В. В. Иванова. 4. Птица, обитающая по берегам рек и озер. 5. Дипломатическое выступление, действие. 6. Картина художника-передвижника Н. С. Остроухова. 11. Спортсменка, участница командной игры с мячом. 12. Определение высот точек земной поверхности. 15. Шерстяная или хлопчатобумажная ткань с рубчиками. 17. Выступ в стене, опора карниза, балкона. 21. Провансальский хороводный танец. 22. Офицерское звание. 25. Государство в Южной Америке. 27. Действующее лицо в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». 28. Инертный газ. 29. Лиственное дерево.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 4

По горизонтали: 5. Подарок. 7. Реголит. 8. Антилопа. 9. Глазунов. 10. «Гуси». 12. Локатор. 14. Суффикс. 16. «Неоконченная». 17. Соревнование. 20. Ашхабад. 22. Назаров. 26. Купе. 27. Персонаж. 28. Глигорич. 29. «Кирилка». 30. Каретка.

По вертикали: 1. «Молния». 2. Павильон. 3. Голубика. 4. Широта. 6. Куплет. 7. Рельеф. 10. Горнозаводск. 11. Исследование. 13. Асенкова. 15. Фраскита. 18. Ушинский. 19. Моржовец. 21. Булава. 23. Зяблик. 24. Премия. 25. Глинка.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Солистка балета народного театра города Смоленска Алла Кузнецова. (См. в номере материал «Семь красавиц» в древнем городе».) Фото А. НАГРАЛЬЯНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Церковь в деревне Дуби, где похоронена Д. Ф. Финкельмон * «Пражский рыцарь» над Влтавой * Карлов мост в Праге. (См. в номере материал «Поиски прошлого».) Фото В. ЕНИШЕРЛОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото—212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 06.01.86. Подписано к печати 21.01.86. А 00613. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 515 000 экз. Изд. № 273. Заказ № 2104.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЮЛЬКА

Это сестры-близнецы из московской семьи Шашковых. В «Огоньке» уже дважды рассказывалось о них: в 1983 году (№ 52, «Женя, Маша, Таня, Катя и Моссовет»), тогда им было четыре месяца, и в 1984 году (№ 52, «Топ-топ...»). Сегодня им почти что по два с половиной года, совсем, как видите, большие. На этой фотографии (слева направо) Женя, Маша... Впрочем, стоп! Пожалуй, первая не Женя, а Катя. Однако же нет, не берусь точно определить. Мне сие не под силу. Все беленькие, все ясноглазые. Только Юля, старшая сестра, ярко выраженная брюнетка. Девочки меж тем «среди себя» прекрасно разбираются и не прощают ошибок посторонним. Как Катя нахмурилась, разобиделась, когда я ее назвала Таней: «Таня на кухне, у бабушки»...

Да, но почему сегодня, в обычный рабочий день, и мама, и все они дома, а не в яслях-детсадике? Что случилось?..

Оказывается, во всем виновата свинка. Раньше заболела ею старшая сестренка, Юля. Она не любит болеть, особенно принимать какие-либо процедуры и лекарства. И свинка за это мстила ей, держалась долго и активно, еле уберегли девочку от осложнений. Юлю старались не выпускать из ее комнаты. Но все же свинка перекинулась к Кате, к счастью, в легкой форме. Женю она не задела, но Жене очень нравятся «компрессики», и она, приложив подушку к щеке, «болела» за компанию.

В общем, у каждой проявляются черты характера. Но есть у них одна общая черта — коллективизм. Скажет мама девочкам, не называя имени: «А кто на стол накроет?» И все разом бегут к столу и раскладывают ложки, вилки. Поели — дружно несут тарелки в мойку. Вот только еще мыть не могут, не доросли. Одеваться? Начнет одна — и все за нею. Достают из шкафчиков — у каждой свой — одежду. И быстро-быстро, чтоб не отстать. Начнет мама делать уборку — берутся за швабры, у каждой своя, маленькая.

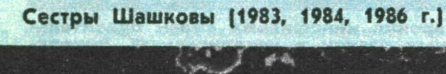
Любят девочки порядок, чтобы все было на месте, там, где положено, и любят трудиться.

Юлька не такая. Ей не один раз надо сказать да еще напомнить: сразу не возьмется. Да это и понятно. Другое у нее было воспитание. С пеленок, целых два года, росла одна — единственной в доме. И мама с папой, и бабушка с дедушкой — все крутились возле нее. А теперь вроде и внимания никто не обращает: большая уже, целых четыре с половиной года. Компенсирует такое к себе отношение Юля любимыми занятиями, которые им, малышам, недоступны. Например, лепит печенье из настоящего теста, и при этом обязательно указывает маме: «Ты не так делаешь. Неправильно. Вот смотри, как надо...»

Девочки очень дружны. Играют в дочки-матери, в «магазин», танцуют, прыгают. Ну чем не великолепная четверка под предводительством Юльки?

Сейчас в доме мирно, тихо. Сидят рядышком с папой на диване. Телевизор «показывает» «Спокойной ночи, малыши...».

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Сестры Шашковы (1983, 1984, 1986 г.)

Фото А. БОЧИНИНА

1983

1984

1986

И ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ЧЕТВЕРКА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663